

Михаил Март
Перевертыши. Дикий глаз – альтернатива
Серия «Дикий глаз», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949605

*Перевертыши (Дикий глаз – альтернатива): роман / Михаил Март.: Астрель: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072129-0, 978-5-271-33213-5*

Аннотация

Если провидение наделило тебя богатством, властью, но не совестью, остается лишь одно запретное удовольствие, одна страшная игра, способная сохранить острый вкус к жизни, – игра чужими судьбами! Их мастерство достигло совершенства в порочном искусстве заманивать жертв в сети шантажа, секса и предательства. Они научились получать все, не оставляя своим жертвам ничего, кроме отчаяния. Но настанет день, когда они перенасытятся и начнут игру друг против друга, и на этот раз ее итог будет непредсказуем.

Содержание

Глава 1	4
Сначала был конец	4
За три часа до взрыва	6
За полтора часа до взрыва	8
Спустя час после взрыва	10
Экскурс в прошлое	12
На следующее утро после взрыва	18
Экскурс в прошлое	24
На вторые сутки после взрыва	32
Экскурс в прошлое	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Март

Перевертыши: Дикий глаз – альтернатива

Глава 1

Сначала был конец

Двое мужчин зашли в клуб «Боливар». Так гласила вывеска. Почему клуб, непонятно. Обычный ресторан с одним огромным залом. Типовое двухэтажное здание, где когда-то находился салон красоты. Потом здание ушло с молотка и превратилось в ресторан. Внизу расположился зал ресторана, на втором этаже – администрация. Стены, расписанные пейзажами кавказских гор, позволяли догадываться о кухне. Аромат шашлыков, сациви и цыплят табака подтверждал догадку. Пахло вкусно, но об уюте говорить не приходилось. Столики занимали все пространство, и ресторан походил на зал ожидания вокзала. Тут разрешалось курить, и дым стоял столбом, слабая вентиляция не справлялась со своей задачей. Глухая коробка с низкими потолками и маленькими окошками удерживала шум, и зал гудел как улей. Находился «Боливар» в неудобном районе, однако никогда не пустовал. Он славился своими поварами и умеренными ценами. Русских там собиралось немного, процентов десять от общего числа посетителей. Побаивались. Ходили слухи, будто здесь собирается кавказский криминалитет. Понятное дело, такие укромные местечки состоят на учете у компетентных органов, но проверок и облав тут никто не устраивал. Претензии высказывали только пожарные. Ресторан имел один выход, к которому вел узкий коридор. Второй выход, во двор, требовал сложного маневра. Надо было обойти стойку бара, выйти через узкую дверь на кухню, миновать горячие плиты с чанами и кастрюлями, выскочить в другой узкий коридор и добежать до двери. Об этом пути мало кто знал, посетителей со схемой здания не знакомили. Пожарные приходили, составляли акт, получали мзду и мирно уходили, чтобы вернуться в следующем месяце. Клуб «Боливар» работал без перебоев.

Вот так обстояли дела на тот момент, когда в зал зашли двое мужчин. Они осмотрелись и сели у самого выхода за маленький столик, где стояла табличка «Заказано». Один из них поморщился, его раздражал шум.

– Восточный базар. Кто кого переорет.

– Выпей столько, сколько они, и будешь слышать только того, кого надо.

– В этом есть свой смысл – «жучки» устанавливать бесполезно. Да и русского языка я не слышу.

К мужчинам подошел метрдотель.

– Добрый вечер, господа. Что вам предложить?

– Графинчик коньячка и закусочки. Мы ненадолго. И еще «Боржоми», Георгий, если вода настоящая.

– У нас все настоящее.

– Тогда тащи.

Метрдотель, высокий, статный грузин лет шестидесяти, говорил почти без акцента, хотя обслуживающий персонал, включая бармена, был в национальной одежде.

Когда Георгий отошел, один из мужчин сказал:

– Я его вижу, Паша. Они сидят в дальнем углу.

– Уже видел. Так задумано. У них нет шансов выбраться. Сделай пару снимков для отчета.

– Нет проблем. Они кого-то еще ждут, их четверо, а на столе шесть приборов.

– Не наше дело, Рома. Объект на месте, остальное нас не касается.

– Как скажешь, Паша. Меня смущает, что нас оцепили при входе. Думаешь, это охрана Вербина?

– Он здесь инкогнито. Никто. Пустое место. Поверь мне, тут есть кого охранять. Мы в ответе за Вербина, но я знаю, что выполняются два заказа, а не один. Нам с тобой не все карты раскрывают, мы мелкие сошки. Подробности узнаешь из новостей.

– Я, Паша, пожалуй, пройду к барной стойке и сделаю несколько панорамных снимочков, чтобы потом посмотреть, кому больше всего досталось.

– Не возражаю. Но учти, мы ограничены во времени.

Роман встал и направился к стойке бара, Павел не спускал глаз с дальнего столика. Лица девушки с длинными волосами он не видел, она сидела спиной к нему. По левую руку от нее – крупный широкоплечий мужчина лет пятидесяти с пышной шевелюрой и посеребренными висками. Манеры, жесты, взгляд говорили о его положении – такие занимают кабинеты с бронзовыми табличками. Справа от девушки сидела женщина лет сорока с яркой внешностью, загорелая, будто приехала с курорта. Избыток золотых украшений и слишком яркая одежда свидетельствовали о плохом вкусе. Когда дамочка смеялась, во рту поблескивали золотые коронки. Вряд ли она могла быть любовницей такого человека, как Вербин. Тогда кто же? Напротив девушки сидел парень лет двадцати трех. Крепыш и тоже загорелый. Возможно, он как-то связан с этой женщиной. Пил парень много, ел с открытым ртом, вилку держал в правой руке, ножом не пользовался, локти ставил на стол. Странная компания собралась вокруг такого человека, как Вербин, в день его пятидесятилетия. Да и ресторан выбран не самый подходящий. Впрочем, Павел знал, что ресторан выбирала секретарша и любовница Константина Катя Кустинова. Возможно, одно из пустующих мест ожидает ее, но она не придет, у нее для этого есть веские причины.

Павел обвел взглядом зал. Он всматривался в лица и не заметил ни одного, в котором можно было прочесть тревогу. Люди ели, пили, веселились. А для чего еще ходят в рестораны?

– Я сделал два десятка снимков, они нам пригодятся, – сказал вернувшийся Роман.

За время его отсутствия на столе появился коньяк, лимон, сулугуни и бастурма. Напарники с удовольствием выпили, закусили и ушли. На улице их ждала машина. Роман сел за руль, Павел – рядом с ним. Протянув руку, сказал:

– Флешку. Я сам распечатаю фотографии и нужные передам шефу.

– Разве мы что-то сделали не так?

Павел не спускал глаз с входных дверей ресторана.

– Мы всегда все делаем так, как надо, Рома. Иначе нас вышибут на улицу.

– Хорошо бы. Но скорее всего отправят на кладбище в деревянных костюмах. Так надежнее.

Роман отдал напарнику флешку. Павел достал из кармана мобильный телефон и установил на часы. Дождавшись положенного времени, набрал номер. В здании клуба прогремели три взрыва подряд, из окон вырвалось пламя.

Роман выжал педаль газа, машина сорвалась с места.

За три часа до взрыва

Такое сходство обычно можно увидеть разве что в зеркале. Они встретились на перроне вокзала, двое мужчин с одинаковыми лицами, ростом, волосами и прическами. Объятий не последовало, но без крепкого рукопожатия не обошлось. Приехавший привез с собой семью, а встречавший был один.

– Я рад, Коля! – важно произнес он. – Ты сумел превозмочь себя, забыть старые обиды. В конце концов, нам уже недолго осталось, сегодня стукнуло по полтиннику. Пора подумать о душе.

– Не рано ли, Костя? Я собираюсь жить до ста лет.

– Молодец. Жаль, что мы не знаем, сколько могли бы прожить наши предки. Долгожительство – явление наследственное, а наши отцы и деды своей смертью не умирали. Им пришлось жить в тяжелые времена.

Приехавший представил женщину и парня, стоящих за его спиной.

– Моя жена Роза. А это сын Славка.

– Господи! Я помню его совсем мальчишкой, а он уже тебя ростом обогнал.

– Двадцать два стукнуло. С Розой мы женаты десять лет, а ты ее даже не видел.

Женщина покачала головой:

– Обалдеть можно. Вас же не различить!

– Внешне – да, а по сути ничего общего, – строго заметил Николай.

– Где же Никита, твой старший? – сменил тему Константин.

– На хозяйстве остался. Батрак ныне никудышный, без кнута работать не будет. У меня ведь поля, скот.

– Да, ты у нас настоящий помещик. Вот вам и разница, Роза. А я горожанин до мозга костей, на даче больше двух дней усидеть не могу. Коляна же в город не выманишь, поди лет двадцать в Москве не был.

– Суетно у вас.

– А где вещи? – спросил Константин.

– Мы налегке. Завтра же уедем. Работе время, потехе час.

– Ладно. Тогда сначала заедем ко мне, переоденетесь. Я столик заказал в ресторане. Вещи моей жены подойдут Розе, а тебе, Коля, я дам свой лучший костюм. Торжество есть торжество.

– Ну как она? – спросил Николай.

– Ты о жене? Плохо. Врачи ничем помочь не могут. Четвертая стадия. Держат в больнице, но уже не лечат. Такова горькая правда. Мы с Евой свыклись, я даже место на кладбище купил.

– А дочка как?

– Ева молодец. Пишет диссертацию.

На привокзальной площади стоял шикарный джип «Шевроле». Константин усадил гостей в машину, и они поехали.

Еву дома не застали. Она ежедневно просиживала у матери в больнице до восьми вечера. Константин отвел родственников в гардеробную своей шикарной пятикомнатной квартиры и предложил одежду на выбор. Николай приехал в Москву в сапогах и бушлате, от него за версту несло конюшней. Леший он и есть леший. Пришлось уговаривать побриться и принять душ. Костюм брату Константин выбрал сам, а Роза долго копалась и выбрала яркое безвкусное платье умирающей жены Константина, которое та ни разу не надевала. На нем даже ярлык магазина сохранился. Кто-то подарил, вероятно, желая подшутить над светской дамой.

Взглянув на Розу, Константин лишь усмехнулся и повел брата на балкон, с которого открывался прекрасный вид на Кремль. Там он тихо сказал:

– Коля, мне нужен твой паспорт.

Брат нахмурил брови.

– Паспорт?

– Готовил сюрприз, но потом решил, что лучше сказать. Меньше мороки будет. Я хочу сделать тебе подарок на пятидесятилетие. Выбрал отличный внедорожник, через любые болота пройдет. Такая машина пригодится на ферме. Покупать не стал, чтобы потом не переоформлять, уж лучше сразу приобрести на твое имя. Домой будешь возвращаться на собственном джипе.

– Да у меня есть старенький «козлик». Работает пока.

– Не обижай, Коля! Забудем наши распри. Я хочу сделать подарок, будь любезен, прими в честь примирения.

Николай помолчал, потом кивнул.

– Ладно. Бумажник с моими документами в бушлате. Бери. Но я такие подарки делать не могу.

– Ты приехал, считай это подарком.

– Ева уговорила. Ты ведь ее специально ко мне прислал?

– Она очень любит своего родного дядю. За последние десять лет не раз ездила к тебе. Ей у тебя нравится. Признаюсь, идея была моя, но она ее встретила с радостью. Я рад, что ей удалось тебя уговорить.

– Умная девочка, – согласился Николай. – Где она?

– Приедет в ресторан прямо из больницы. Каждый день для матери может стать последним, ты должен понять.

– Да. Понимаю. Сам потерял жену. Сыновья до сих пор Розу не принимают. Никите уже тридцать, а Розе сорок. Характерами не сошлись. Чего с нее взять, она же бывшая ресторанный буфетчица, сельское хозяйство ей чуждо. Просто я не мог вынести одиночества в то время. Боялся спиться. Да ладно, чего уж там, что сделано, то сделано.

– Идеальной жизнь не бывает, Коля. От судьбы не увернешься. Все еще наладиться, какие наши годочки. На ноги мы встали и стоим крепко. Теперь держим жизнь под уздцы. Сами себе хозяева. Ну, поехали. Я отвезу вас в ресторан, метрдотель вас усадит, а я быстро смотаюсь в автосалон и вернусь на твоём джипе.

За полтора часа до взрыва

Ева, высокая, красивая блондинка с длинными пышными волосами и необычным цветом глаз, похожим на распутившуюся листву или травку в предзакатный час, вышла из ванной, и тут раздался телефонный звонок. Она сняла трубку и услышала голос дяди. Он очень походил на голос отца, но был с налетом хрипотцы, как у заядлого курильщика.

– Евочка, это ты?

– Я, дядя Коля.

– Почему ты еще не здесь? И отец куда-то пропал. Мы чувствуем себя идиотами.

– Сейчас приеду. Напомни мне адрес, я куда-то бумажку подвала.

– Это клуб «Боливар». Адреса не знаю, Костя нас на такси привез. Оставил мне свой мобильный, и я не знаю теперь, как мне ему позвонить.

– Не беспокойся, дядя Коля. Сейчас приеду, и отец скоро объявится. Он всегда опаздывает, у него работа бешеная.

– Он уехал в автосалон с моим паспортом, машину мне покупает.

– Понятно. Там всегда волокита. Страховка, номера и прочее. Жди, уже еду.

Ева быстро оделась и выскочила из дома.

Она остановила три машины, но только один из частников знал адрес ресторана. Денег шофер с нее не взял, его интересовал телефон красавицы, и она ему продиктовала выдуманный на ходу номер.

При входе в клуб ее проверили металлоискателем, будто она пришла в спецучреждение.

Дядя Коля с семьей сидел в дальнем углу ресторана. Это было очень удобно. Столики в зале располагались так близко друг к другу, что места в центре из-за тесноты и шума, создаваемого темпераментными кавказцами с их бесконечными тостами, могли подойти только отчаянным любителям экзотики.

Дядя встретил племянницу объятиями. На его лице читалась радость, которой не было при встрече с братом на вокзале. Подошел солидный дяденька во фраке, в отличие от официантов, одетых в национальные одежды.

– Всего самого вкусного и хорошего красного вина, – сказала девушка.

Человек во фраке не стал вдаваться в детали. Ему нередко доверяли выбор меню.

Ева была веселой и остроумной, умела поддерживать разговор в любой компании. Через десять минут все уже громко смеялись и забыли об исчезнувшем Константине. Дядя Коля тоже рассказал пару смешных, но похабных анекдотов. Ева не переносила мат и грубость, но смеялась вместе со всеми.

– Какие вы разные с братом, – заметила она.

– Это точно, – кивнул Николай. – В нашем роду испокон века рождались близнецы. Стойкая наследственность. Но братья и сестры всегда получались полной противоположностью. Вот только одна черта объединяла всех – коварство. Не вижу в этом ничего плохого. Вещь полезная.

– Мой дед, ваш отец, тоже был коварным злодеем? Он же герой войны. Попал в мясорубку сталинских репрессий.

– Про деда я как-нибудь расскажу любопытную историю. Она длинная и скучная. Тебе будет интересно, но другие заснут.

– Кажется, на нашем поколении цепочка близнецов оборвалась. У тебя два сына, но они не близнецы, а я – единственный ребенок.

– Это не так, моя девочка. Ты близняшка. Но твоя родная сестра родилась с врожденным пороком сердца, и ее родителям не отдали. Она умерла в роддоме, не прожив и двух недель.

Ева была изумлена.

– Почему я ничего не знала?

– Спроси об этом у отца. Но особо сожалеть не о чем. Если ты родилась ангелом и им остаешься, значит, сестра твоя стала бы монстром. Полной твоей противоположностью. Как мы с Костей.

– Ну, вряд ли моего отца можно считать монстром. Он такой же трудяга, как ты. Каждый из вас выбрал свой путь, но вы оба многого достигли.

– Это точно. Если не вникать, какими способами шли к успеху. В нашей стране судят по результатам...

Чтобы сменить тему, Ева рассказала очередную смешную историю, и вновь раздался громкий смех.

Даже у нее самой потекла тушь от слез, вызванных заразительным хохотом.

– Извините, мне нужно в туалет, – сказала она и, утирая слезы платком, направилась к выходу.

Туалетные комнаты располагались по правую сторону узкого коридора, между залом ресторана и входными дверьми. Когда прогремели взрывы, Ева находилась в дамской комнате за капитальной стеной. С потолка посыпалась штукатурка, рухнули раковины и зеркала, но стена устояла. Ева бросилась к двери. К счастью, она открывалась вовнутрь. Коридор был забит людьми настолько, что открыть ее наружу было бы невозможно. Плотный людской поток подхватил девушку и понес к выходу. Ее ноги не доставали пола, туфли свалились. Воздух проник через разбитые окна, зал полыхал. На выскочивших оттуда горели одежда и волосы. Когда толпа вынесла Еву на улицу, на ней уже горело платье из тонкого шелка. Она видела, как люди превращались в факелы, и вдруг почувствовала жжение на запястье, потом жар охватил все тело. Ее спасло чудо. Она увидела молодого человека, бегущего к ней с огнетушителем в руках. Ева качнулась и упала, потеряв сознание.

Спустя час после взрыва

Со стороны может показаться, а практика знает такие случаи, когда силовые органы работают, не замечая друг друга, над одним и тем же случаем. Если им так удобней, то ради бога, вот только свидетелям приходится давать свои показания по три, а то и по четыре раза. И дело тут не во вражде или неприязни одних силовых структур к другим, а в том, что цели у них разные. Следователей ФСБ интересовал политический аспект теракта в ресторане, пожарных – причины возникновения пожара, милиция должна найти виноватых и задержать их. Прокуратуру беспокоил вопрос, как и в каком свете преподнести случившееся и какой резонанс может получить трагедия у обывателя и международных наблюдателей. Задачи разные и решаются по-разному. Результаты скоординируют на самом верху и дадут общественности нужный ответ. Что касается прессы и телевизионщиков, то они свою работу уже сделали. Им важны горячие факты, а главное – вывалить их в эфир первыми и ярко. Они не делают выводов.

Полковник милиции Кулешов стоял в сторонке возле своей машины и, прищурившись, разглядывал дымящийся остов здания бывшего клуба. Казалось, он приехал сюда убедиться, что все сгорело дотла, а не разбираться в происшествии. Рядом с ним стоял капитан с блокнотом в руках. Когда в голову приходила новая мысль, он ее озвучивал, а капитан записывал.

– Сколько человек уцелело? – спросил Кулешов, не отводя взгляда от суетившихся возле руин сотрудников разных ведомств.

– Мы застали двенадцать карет «скорой помощи». До нашего прибытия уехало больше двадцати. К утру из больницы получим полный список пострадавших. Многие уцелели и разбежались. Как их искать будем?

Капитан не знал ответа на этот вопрос, а полковник не ждал ответа, похоже, он задал его сам себе.

– Мне не нужны свидетели, которых я не могу допросить.

Капитан записал и это изречение.

– Вызовите ко мне утром командира пожарного расчета, я хочу знать, сколько трупов обнаружено под развалинами.

Эти же вопросы интересовали заместителя Кулешова подполковника Железнова. Он знал свою работу туго и действовал очень оперативно. А поскольку первым прибыл на место, то и опросил свидетелей первым. Одним из свидетелей был метрдотель ресторана Георгий Ахвледiani.

– Как я понял, вся администрация уцелела. Не один же ты такой ушлый, Жора?

Подполковник явно насмеялся, он не первый раз встречался с Ахвледiani, который жил в Москве уже более тридцати лет и был известен как человек очень осторожный и умный. То, что метрдотель стучит фээсбешникам, подполковник знал, как и чекисты знали, что тот работает на ментов.

– Взрывы раздались, когда я находился на кухне, проверял готовые к выносу блюда. Кухню с залом разделяет капитальная стена. Я и повара успели выскочить во двор до обрушения второго этажа.

– Много народу гостило на втором этаже?

– Меня туда не допускают, я не считаюсь доверенным лицом. Но во дворе стояло двенадцать иномарок, а сейчас ни одной. Значит, все уехали. Сколько человек сели в машины, не знаю. Номера я переписал. Три машины принадлежали хозяевам, девять – чужим.

Железнов протянул руку. Георгий вырвал лист из блокнота и сказал:

– Копия. Через копирку писал. Оригинал для чекистов, они о копиях не должны знать.

– Хитер, аксакал. Кто в зале сидел?

– Список завсегдаев составлю позже, но они вряд ли вас заинтересуют.

Георгий достал из кармана два сложенных вчетверо листа.

– Это фамилии и номера столиков, заказанных заранее. К нам с улицы не зайдешь, места бронируются за две недели, а то и за месяц. На чужое имя не закажешь, мы паспорта проверяем. Заказчиков, но не их гостей.

Железнов пробежал список быстрым взглядом.

– Давид Кайтнадзе. Это тот?

– Он самый.

– Выжил?

– Вряд ли. Сидел далеко от выхода. С компанией. С ним был Резо Курнашвили. Тоже тот самый. Количество обгорелых трупов сейчас не определить, надо завалы разгрести. Второй этаж обвалился минут через десять после взрывов, когда рухнули несущие стены. За это время через центральный вход могло выйти человек тридцать, не больше. Остальных придавило в «бутылочном горлышке», так мы узкий коридор называем. Еще вас может заинтересовать Константин Вербин. Тоже тот самый. С ним было два человека, потом присоединилась девушка. Уж они точно не выжили, их столик был в дальнем углу. Я как раз за их заказом вышел на кухню. Особых гостей я обслуживаю лично.

– Этот тип многих заинтересует. Особенно прокуратуру. Он всех дурил и всегда сухим из воды выходил, а тут на тебе, потолок на башку свалился. И вот что, Жора. Слово «взрыв» больше не употребляй. Случился пожар. Если власти решат, что теракта не было, ты станешь неудобным свидетелем, а их у нас не любят. Здание загорелось, когда ты вышел во двор покурить. Опасайся чекистов. Они все грехи свалят на владельцев кабака. У них на каждого есть досье. Чистки только начались. Даже грузинская диаспора дрожит от страха, а к ним придаться трудно.

– Я ведь не слепой, Иван Родионович. Кое в чем разбираюсь.

– Не сомневаюсь. Уйди в тень. Твои бывшие начальники тоже не дураки, голову ломают, кому костью в горле встали.

– Они тут ни при чем. Взрывчатка в зале была заложена, и, думаю, кем-то из своих. Протащить с собой такую бомбу гость не мог бы. На официантов я не грешу. Девять из четырнадцати сгорели, остальные здесь, не сбежали. Исчезли только бармен и два повара, но и те не личности, чтобы на такую операцию могли пойти. Кишка тонка.

– Тогда остаешься только ты.

– Выгоды не вижу. И уж тем более врагов грузинского президента убивать не стал бы. Я на их стороне.

– Ладно. Еще увидимся. Я знаю, где тебя искать.

Железнов отправился на доклад к приехавшему полковнику Кулешову. Он шел к нему не с пустыми руками.

Экскурс в прошлое

Эпизод 1

Независимый продюсерский центр работал на коммерческой основе и недавно отметил свой трехлетний юбилей. Организация себя не афишировала, на здании, которое она купила у бывшего детского сада, висела табличка «Управление по водоснабжению и канализации Северо-восточного округа гор. Москвы». Центр вплотную был связан с телевидением, со всеми каналами без исключения, но, в отличие от других независимых продюсерских центров и киностудий, он не снимал сериалов и полнометражных фильмов. Центр, руководимый Сергеем Михайловичем Коркуновым, занимался хроникой текущих событий, зарабатывал деньги на зрелищных сенсациях. Беспроигрышный вариант. Зритель любит щекочущие нервы репортажи с места событий. Их смотрят все – домохозяйки и министры, бандиты и светские дамы, бизнесмены и мелкие лавочники. Между каналами идет настоящая война, «жареные» новости поднимают рейтинги, чем выше рейтинг, тем больше рекламодателей и цена на рекламное время. Реклама – главный источник доходов. Каналы бьются за то, чтобы получить сенсационный материал первыми и чтобы этот материал был лучше, чем у других. Простой пример. Пожар или взрыв в клубе «Боливар». Никто не пройдет мимо такого события. Но на одном канале покажут дымящиеся руины и репортера, бегущего с примитивными вопросами за пожарными, а на другом вы увидите полыхающее здание, гибнущих людей, к тому же вам расскажут о владельце ресторана, его связях и возможных вариантах развития событий. Нетрудно догадаться, у какого канала будет больше зрителей. Заманчивая фраза «Мы будем держать вас в курсе событий» срабатывает безотказно. Сенсация требует продолжения. Люди во всем мире обожают тайны, загадки и невероятные версии. Хорошо, если одна из версий исключает другую и вас втягивают в расследование. Удачная сенсация – это интрига. Почему люди очень любят читать детективы. Потому что на протяжении всей книги возникают вопросы. Есть тайна. Ответ вы найдете на последней странице. Нетерпеливые часто читают книгу с конца, другие сами пытаются разгадать загадку. Многие авторы делают подсказки – читателю всегда приятно считать себя умнее автора. Зритель любит смотреть криминальную хронику и ужасающие подробности кошмарных событий, сидя в тихой квартире на мягком диване. Ему же ничего не грозит. Точно так две тысячи лет назад публика сидела на трибунах Колизея и наблюдала за гладиаторскими боями, где проливалась кровь. Ничего не изменилось.

Сергей Коркунов и его команда отлично понимали, что от них требуется, и всегда соответствовали этим требованиям. Но как им удавалось прибыть на место событий раньше оперативников, пожарных, врачей и МЧС? Как удавалось делать уникальные съемки? Это оставалось загадкой.

Руководители каналов знали о Сергее немного. Что он полковник милиции в запасе, что в состав его центра, помимо операторов высокой квалификации, входят бывшие руководители милицеских структур, носившие в свое время высокие звания и занимавшие ключевые посты в управлениях. Телевизионщики, платившие большие деньги за эксклюзивные репортажи, не сомневались в том, что за своевременную информацию он делится доходами с милицеским руководством. Но это лишь вершина айсберга. Если копнуть глубже и внимательно изучить отснятые материалы, которых набралось за три года около тысячи, станет очевидным, что информацию центр черпал не только из силовых структур. Нередко сама милиция узнавала о происшествии от Сергея. Для того чтобы разгадать эту загадку, надо

вникнуть в структуру всей организации с безобидным названием «Независимый продюсерский центр»¹.

Три года тому назад Сергей Коркунов занимал должность начальника одного из отделов внутренних расследований Московского управления внутренних дел по городу Москве, в народе называемого «Петровкой». Он ловил своих же.

Людей из управления не любили и побаивались. Они заводили дела на работников милиции от рядового до генерала, не считаясь с заслугами. Будь ты прожженный коррупционер или оступившийся, ты попадал под колпак. Есть ошибочное мнение, будто определение «оборотни в погонах» принадлежит журналистам. Ничего подобного. Это определение появилось в отчете одного из сотрудников отдела внутренних расследований.

Работа Коркунова была не из простых. Папки с делами на своих же заполняли стол Сергея, но без санкции свыше он не мог раскручивать следствие. Иногда, когда требовалась показательная порка, давали добро и дело получало громкий общественный резонанс, но большинство дел оставалось без должного внимания. В лучшем случае виновника увольняли из органов, хотя по сути он должен был бы сидеть в тюрьме. Милиция не очень любит выносить сор из избы. Ее и без того не любят, не уважают и боятся не меньше, чем преступников. Но в одной ли милиции дело?

Нынешний заместитель Коркунова по оперативной работе Геннадий Иванович Осипов, тоже бывший полковник милиции, три года назад возглавлял один из отделов уголовного розыска. Толковый оперативник, прекрасный психолог, он беспощадно боролся с преступностью. Не раз рисковал собственной жизнью, вылавливая матерых бандюг. Арестовывали высокопоставленных чиновников, но в тюрьмы попадала только мелкая шушера. Обвинения против «крупной рыбы» рассыпались в прокуратуре или в суде, преступники выходили на свободу. Впрочем, до суда дела редко доходили.

И вот однажды Черногоров, один из генералов министерства, человек тихий и незаметный, собрал на своей даче самых надежных, по его мнению, и честных офицеров высшего звена. Собрание носило частный и секретный характер. Идея была не нова. Генерал предложил создать подразделение «Справедливость», чтобы преступники, избежавшие наказания, получили свое по заслугам. Черногоров недавно потерял дочь и внука, которых расстреляли в момент бандитской разборки на платформе станции «Расторгуево». Тогда погибло больше двадцати ни в чем не повинных людей. Некоторых бандитов нашли, но доказательств не хватило, выжившие свидетели отказались давать показания². Условия Черногорова были жесткими: уволиться из милиции и снять погоны – власть не может чинить самосуд. Жить подразделение будет за счет специально созданного фонда. Очень многие работники правоохранительных органов готовы жертвовать на это деньги. Не из зарплаты, разумеется, а выкачивая их из мерзавцев, к которым невозможно подступиться по закону. Один из полковников возмутился: «Чем же мы будем отличаться от бандитов, если начнем вершить суд по понятиям и жить за счет общака, созданного на средства тех же бандитов. У меня кусок в горло не полезет». Половина с ним согласилась и отказалась, другие остались. Но идея с общаком никому не понравилась.

Тогда выступил Сергей Коркунов.

– Скажите, генерал. Идея о создании спецотряда «Справедливость» вами почерпнута из романа полковника Витковского?

Генерал поднял брови.

¹ Читайте роман М. Марта «Дикий глаз».

² Читайте роман М. Марта «Погашено кровью».

– Послушайте, ребята, я знал, кого вызывал на собрание. У меня есть доступ к материалам управления кадров. Я взвешивал каждую кандидатуру, прежде чем пригласить вас сюда. Тут нет случайных людей. О полковнике Витковском я слышу впервые.

– Не мудрено. Вы ведь смотрели дела оперативников, тех, кто умеет вступать в схватку с опасным противником. Полковник Витковский носит погоны только потому, что он главный редактор нашего ведомственного журнала и газеты. Так же как редактор газеты «Воздушный транспорт» носит генеральские лычки гражданской авиации. В Министерстве обороны те же порядки. Вадим Борисович Витковский не только журналист, но и прекрасный прозаик. Его самиздатовские романы ходят по рукам, милицейская интеллигенция читает их с большим интересом.

– Почему самиздатовская?

– Есть ошибочное мнение, что в нашей стране наступила эра свободы слова. Но цензура никуда не делась. Витковский пишет правду, а она не всех устраивает. С учетом новой волны борьбы с насилием на экране его рукописи не берут для экранизации. У него нет положительных героев, некому сочувствовать. Зло торжествует над добром. Это мы с вами видим в жизни, из-за чего здесь и собрались. Витковский – человек принципиальный и на поводу у издателей идти не станет. Так вот. Его роман «Возмездие», написанный пару лет назад, рассказывает о создании спецназа мстителей. Мне кажется, надо пригласить полковника на наше следующее собрание.

Я могу увидеться с ним сегодня же. Выдвину идею, но больше ничего говорить не буду, пусть предложит свой план. У этого человека невероятная фантазия. Я помню, мы читали ему фразу из передовицы «Правды», а он за полчаса превращал смысл обычной фразы в рассказ, где она становилась смыслом сюжета.

– Ваша идея мне нравится, полковник Коркунов, – сказал Черногоров. – Продолжим наше заседание здесь же в следующее воскресенье. Все мы слишком прозаичны и прагматичны, свежие идеи нам не помешают.

Ровно через неделю на даче генерала появился полковник Витковский. Он никогда не носил форму и не имел военной выправки. Интеллигентный мужчина лет сорока, непривлекательной внешности. Полноватый, не очень высокий, с острым пронизательным взглядом, на милиционера он никак не походил. Впрочем, и на писателя тоже, как принято их себе представлять. Скорее бухгалтер или служащий среднего звена какого-нибудь министерства.

Все присутствующие, кроме генерала, его знали. Витковский предпочитал сам брать у начальников подразделений интервью для своих изданий и сам фотографировал. Его часто видели на месте происшествий, он отлично разбирался в работе оперативных служб и следственных мероприятиях. А с Сергеем Коркуновым дружил. Они познакомились, когда Вадим Борисович собирал материалы для своей книги об оборотнях в погонах.

Внешность писателя генерала не впечатлила. Поначалу он даже расстроился. Всегда ждешь большего, особенно когда тебе обещают встречу с кем-то необыкновенным.

На собрании присутствовали человек тридцать – вернулись некоторые из тех, кто в прошлый раз демонстративно ушел. Сработал авторитет Витковского, его уважали, к нему прислушивались.

Собрание решили начать с выступления гостя. Если предложенные им идеи покажутся бредовыми, продолжить можно без него, поблагодарив за беседу. Конечно же Вадим Борисович понимал ситуацию. Он свой, но не до такой степени, чтобы сразу посвящать его в детали.

– Начну с фонда. Любой фонд – дело не надежное. Некоторые называли его общаком. Я даже в подробности вникать не хочу. Тут сидят умные, крепкие мужчины, а не красны девицы, поэтому намерен называть вещи своими именами. Начнем с простых вещей. Вы

собираетесь увольняться из министерства? – обратился писатель к генералу, тот даже вздрогнул от неожиданности.

– Нет, – ответил генерал. – Группе понадобится поддержка со стороны силовых структур. Кто-то должен предупреждать, оберегать, а главное, информировать и давать списки особо опасных головорезов. Без нашей поддержки группа долго не продержится.

– Вы сказали «без нашей»?

– Разумеется, я не один. Но не все из тех, кто меня поддерживает и готов помогать, могут присутствовать на нашем собрании.

– Это то, что я хотел услышать!

Витковский тут же из мягкого и добродушного клерка превратился в жесткого лидера, и генерал стал лишь членом общего собрания.

– Никаких бандитских подразделений. Мы все станем журналистами.

Народ загудел. Витковский поднял руку.

– Имейте терпение, господа-товарищи начальники. Структура должна быть абсолютно легализованной, официальной. Мы будем зарабатывать денег больше, чем нам может дать любой фонд. Всем вам известно о существовании киностудии МВД, которая, как и внутренняя пресса, подчинена мне. На ее основе мы сделаем первые заработки, а на них купим свое, новое, более совершенное оборудование и помещение, найдем профессиональных операторов и обслуживающий персонал. Вы знаете, чем занимается наша студия. Оперативной съемкой с места событий. Отснятые материалы носят гриф «Для служебного пользования». Это значит, что их может посмотреть министр, генералитет и некоторые из вас, кто непосредственно связан с расследованием конкретного дела. Но все мы, вернувшись домой, включаем телевизор и становимся обычными обывателями со стаканом чая или пива в руках. И вот вы видите те же события, которые видели в служебном кинозале, но снятые телевизионщиками. На вашем лице невольно возникает ухмылка. Примитив. Иначе не скажешь. А страсти разгораются. На каналах все больше и больше появляется передач, связанных с криминальной обстановкой в стране. Есть удачные, есть банальные. Профессиональных нет вообще. А это самый ходовой товар на сегодняшний день, если не считать грязного белья и физиономий наших псевдозвезд, которые зрителю уже поперек горла. Между информацией о том, кто с кем переспал и кто кого убил, большая разница. Мы будем освещать убийства. Четко, профессионально, по всем законам детективного жанра. Другими словами, снимем гриф «Для служебного пользования». За хороший репортаж с места события можно получить от пяти до пятидесяти тысяч долларов. Заработав репутацию, мы сможем делать многосерийные репортажи за полмиллиона. И это честные деньги. Все в наших силах, нужны лишь профессионалы по части операторского мастерства.

– А как быть с тайной следствия? – спросил один из присутствующих.

Витковский усмехнулся.

– Ответ прост. Вы уже не милиционер, а коммерсант. Назовем нашу организацию независимым коммерческим продюсерским центром. Витиевато, но понятно. Мы снимаем сам факт убийства, которое сами же и совершаем. Но второй факт нами не афишируется. Кто вы? Свидетель. И все. К вам подходит журналист с камерой и спрашивает: «Что здесь произошло?» Вы рассказываете. Почему нет? Вы говорите о том, что видели, а не разглашаете военную тайну. Журналисту повезло, он очутился на месте преступления раньше милиции и ждать следователей не обязан. Журналист едет на телевидение и сдает сенсационный материал каналу. Обратите внимание, никакого следствия еще нет. Оно начнется, учитывая наши темпы, после того как новости сообщат о случившемся на всю страну.

– Но вы же снимете на камеру и убийцу. То есть кого-то из наших? – последовал второй вопрос.

– Давайте все расставим на свои места. Нам стало известно о том, что преступник избежал сурового наказания и остался на свободе. Мы берем его в обработку. А значит, цель у нас уже есть. Но убивать его нельзя. Один раз сойдет, второй, третий. Первый раз – случайность, второй раз – совпадение, а в третий – закономерность. Вот мы и раскрыты. Пусть даже не мы конкретно, благодаря заботам генерала и сочувствующим нашей деятельности. Но пойдут слухи, а они будут только мешать. Нам нужна детективная история с тайнами и загадками. Получив материал, ваш покорный слуга готов написать сценарий, по которому агентство будет работать. У криминальных авторитетов врагов больше, чем друзей. Возьмем примитивный пример. Есть три мерзавца. Они враждуют. Иванов, Петров и Сидоров. Иванова арестовали, вину его доказали, а суд его выпустил на свободу. Петров и Сидоров негодуют – гаду повезло. Иванова мы накажем сами, но вину за его смерть свалим на Петрова, да так, чтобы заподозрили Сидорова. А это уже сериал. Нужны четкая схема, мотивация и факты. Вот чем мы должны заниматься, а черную работу будут выполнять наемные киллеры, а не мы. Жизнь человека стоит гроши. Прошли те времена, когда она считалась бесценной, сейчас все привязано к деньгам. Вы можете заплатить убийце тысячу рублей, а другой потребует миллион. Киллеры не будут знать, на кого работают, но мы обязаны предоставить им четкий безукоризненный план действий, обеспечить их безопасность и оплатить труд. Саму историю мы должны повернуть так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в виновности Петрова. А если у нас не одна цель, а пять сразу? Значит, их надо объединить в один блок и выставить как криминальную разборку, несмотря на то что никто из участвовавших в ней не знал друг друга. Трупы показаний не дают.

– Не будет ли странно выглядеть то, что наши операторы всегда прибывают на место происшествия раньше милиции? – задал вопрос Сергей, у которого уже горели глаза.

– О центре будут знать только руководители каналов. Нам слава не нужна, пусть наши репортажи каналы выдают за свои, им нужны рейтинги. Не обязательно от них скрывать, что центр – производное от студии МВД, а значит, имеет связи. Потому везде и успевает первым. Конечно, нам не всегда помогают, но уж во всяком случае не мешают. Я еще раз хочу подчеркнуть, что легальность – наш главный козырь. Центр должен иметь несколько подразделений. Первое и основное звено – свой телецентр, съемки и распределение доходов. Второе звено составят оперативники, занимающиеся разработкой наших клиентов, тех, кому мы вынесли смертный приговор. За ними наблюдения, выявление связей, встреч и определение мест, пригодных для ликвидации. Оперативному подразделению должны быть подчинены киллеры. В главном подразделении, в творческом отделе, должны дежурить по городу не менее десяти машин с операторами, готовыми прибыть на место происшествия в течение нескольких минут. Корректировать операцию из центра будет общая диспетчерская. Ну а мое дело – стряпать правдивые сценарии, по которым замысел будет претворяться в жизнь. Возможно, в недалеком будущем нашим опытом воспользуются и другие города, но об этом говорить рано. На сегодняшний день Москву топчут тысячи подонков и всякая мразь. На улицы страшно выходить. Три четверти состава милиции сотрудничает с нечестью. Если мы сейчас не начнем выжигать ее каленым железом, нас скоро задушат. Я против создания милицейской группировки, живущей за счет общака. Мы должны сами честно зарабатывать деньги, очищать город от скверны и гордиться своим делом. В наших рядах могут служить только проверенные и убежденные борцы за дело чести. Только тогда мы устоим и добьемся результатов.

Писателю аплодировали, как артисту на сцене. Генерал сидел в задумчивости. Он был восхищен выступлением Витковского, но понимал, что это не лидер, во главе организации его ставить нельзя. Он идеолог – это да. Кто же мог бы осуществлять общее руководство? Полковник Коркунов, самый опытный и организованный. Оперативный отдел возглавит полковник Осипов. Лучшего сыскаря и аналитика не найти. Тогда эта схема сработает.

– Кто согласен с предложением Вадима Борисовича? – спросил генерал собравшихся. Все до единого подняли руки.

– Хорошо. Я присоединяюсь к вам. А теперь, Вадим Борисович, мне нужно от вас подробное изложение структуры организации, предложения по составу и желательно смета, изначальный, как говорится, фундамент. Недели хватит?

– Вы хотите обсудить это на своей коллегии?

Витковский достал из портфеля толстую папку и подал ее генералу.

– Все, что вам нужно, изложено здесь. У меня же была неделя времени.

Генерал не мог скрыть восхищения.

На следующее утро после взрыва

Ева открыла глаза. Ей снился страшный сон – землетрясение, пожар, горящие люди. Она приподнялась и осмотрелась. Грудь и ноги были забинтованы. Она ощупала лицо – бинтов нет. В огромной больничной палате никого, кроме нее, не было. Стены, покрашенные в салатовый цвет, небольшая плазменная панель, прикрепленная к стене, большое окно, умывальник, зеркало. Девушка встала с кровати, боли не почувствовала и вдруг поняла – это был не только сон, это случилось на самом деле. Мороз пробежал по коже. Она подошла к зеркалу. Лицо не пострадало. Огонь успел сжечь на ней только платье и немного повредил кожу на теле. Ей повезло. Ангел-хранитель уберег ее от неминуемой гибели.

Услышав какое-то шуршание, Ева обернулась к окну. Бабочка залетела в форточку и билась о стекло. Девушка подошла, захватила ее в ладонки и выпустила в форточку. Глядя ей вслед, улыбнулась. На улице яркое солнышко, прекрасный летний день – жизнь продолжалась.

Дверь палаты открылась, и вошел высокий мужчина лет пятидесяти, в белом халате, с бритой головой.

– Вы уже на ногах?

Ева разглядывала его с любопытством.

– Я доктор Селянский Илья Андреевич.

– Да, да. Я вас помню. Вы лечили моего папу. Значит, это он распорядился поместить меня в отдельную палату?

– Нет. Вы сами попросили отвезти вас к нам и назвались Эвитой Вербиной. Мы очень ценим вашего отца. Благодаря ему больница получила новое современное оборудование. Разумеется, его дочь приняли по высшему разряду.

– Я сильно обгорела?

– Пустяки. Вас спас принц на белом коне.

Доктор глянул на часы, потом подошел к телевизору и включил его.

– Сейчас повторяют блок новостей. Смотрите внимательно.

Теперь ее сон повторялся на экране. Она увидела здание ресторана, похожее на пылающую коробку спичек с окнами, из которых вырывался огонь. Из узких дверей выбегали горящие люди. Среди живых факелов она узнала себя, на ней горело ее любимое платье. И тут появился он. Парень с автомобильным огнетушителем в руках. Не помогло, пену сдувало ветром. Парень скинул с себя пиджак и начал им сбивать с девушки пламя. Вероятно, оператору понравился сюжет, он снял спасителя крупным планом. Его сосредоточенное лицо девушку поразило.

– Вы правы, доктор, это настоящий принц. Но будь это кино, он эту роль не получил бы. У него нежное красивое лицо, таким дают роли соблазнителей, но не героев. Хотела бы я его еще раз увидеть.

– Это возможно, если он сам этого захочет. Я знаю, кто снимал этот репортаж, а он знает того, кто вас спасал.

– Кто знает, где я нахожусь?

– Мы не сообщали милиции о вашем поступлении. Затаскают. Им без вас хватит свидетелей. Более тридцати человек спаслись, они находятся в разных больницах. Есть среди них безнадежные, но есть и не сильно пострадавшие. Вот ваша сумочка, она даже не обгорела. Лежала рядом с вами.

– Да. Спасибо. В ней нет ничего ценного, кроме телефона.

На экране сменилась картинка. Пожар был уже потушен. В кадре пожарный в амуниции, милиционер в погонах полковника и корреспондент. Он дал слово руководителю пожарной команды.

– Сейчас я не берусь определенно сказать о причинах возникновения пожара, – начал майор Абдулов. – Могу лишь утверждать, что это здание никак не пригодно для скопления людей. Дом-ловушка с единственным выходом, к которому вел длинный узкий коридор. К «черному», служебному, входу посетители пройти не могли, он находился за служебными помещениями. Со второго этажа к дверям, выходящим во двор, ведет лестница, по которой удалось спастись администрации, расположенной на втором этаже. Мы никого не нашли. Не думаю, что кто-то из них пострадал. Пожар ликвидирован. Остальное определит следствие. И первые вопросы я задал бы пожарным инспекторам, курировавшим это здание.

– Спасибо за комментарий и разъяснение. Теперь нам хотелось бы услышать мнение полковника Кулешова, руководителя одного из управлений милиции.

– Майор прав. Владельцы ресторана спаслись. Я не исключаю того, что пожар возник не случайно. Я приехал сюда с целью ареста руководителя клуба. Мы знали, что сегодня он устроил банкет для своих сообщников. За Илико Миндадзе давно ведется наблюдение. Мы ждали удобного момента, и вот он наступил. К сожалению, мы опоздали. Значит, директор клуба «Боливар» был предупрежден. По данным наружного наблюдения во дворе ресторана до возникновения пожара стояло несколько иномарок, сейчас нет ни одной. Этим негодьям удалось сбежать. Они пожертвовали десятками жизней, чтобы их сочли погибшими. С такими приемами мы уже знакомы. Но бандиты от нас не уйдут, они ответят за террор.

– Точное определение, – наморщив лоб, сказала Ева. – Это теракт. Я находилась в туалете, когда произошли взрывы. Их было три. Пол под ногами заходил ходуном. Боже, как это ужасно.

– Вам не надо никому об этом говорить. Здесь замешана политика. Речь идет о грузинском ресторане. Может, директор ресторана и бандит, а может, и нет. Пока власть не признает случившееся терактом, говорить о взрывах небезопасно. Вы можете стать ненужным свидетелем. По этой причине мы не сообщили о вашем поступлении в милицию. Вами интересуются не только следователи, но и грузинская диаспора, ей тоже нужны козыри. Мировой общественности легко внушить, что взрывы устроены российскими спецслужбами. К Грузии и ее президенту относятся с сочувствием. Вы знаете о трагедии в Северной Осетии. Весь мир приписывает агрессию России.

– Я понимаю вас, Илья Андреич.

– Ложись в постель. Ты еще очень слаба. Тебе надо набираться сил. – Доктор перешел на «ты».

Он вышел из палаты. Вовремя – Ева услышала мелодию своего мобильного. На тумбочке лежала ее сумочка. Девушка села на кровать и достала телефон. Высветился незнакомый номер.

– Слушаю, кто это?

– Это я, дочка.

– Папа?

– Я звоню с чужого телефона. Извини, что не смог предупредить раньше, вчера были срочные дела, а сегодня вылетел в командировку. Москва строит микрорайон в Иваново, но что-то там тормозится, средства утекают сквозь пальцы. Необходимо вмешаться. Думаю, через недельку вернусь. У тебя все в порядке?

– Да. Я сижу в библиотеке, в «Ленинке».

– Слава богу. Я забеспокоился, дома телефон не отвечает.

– Звони мне на мобильный. Дома работать не дают, то звонки, то подруги приходят.

– Может быть, тебе поехать на дачу? Там тихо.

- Меня и там найдут.
- Ты понимаешь, о какой даче я говорю?
- Я подумаю. Сначала надо собрать материалы.
- Ну не буду тебе мешать. До скорого.

Ева ничего не стала говорить о ресторане и взрывах, ведь отец ни словом не обмолвился о приезде в Москву Николая и о встрече в ресторане. А теперь срочно уехал.

Ева убрала телефон в сумочку и осмотрела ее. Кожа натуральная, очень тонкая. Никаких следов огня на ней не имелось, в то время как платье полностью сгорело. Странно. Странно и другое. В туалете ресторана она положила сумочку на полку перед зеркалом и подкрашивала губы, когда раздался первый взрыв. Ева была уверена, что вышла из дамской комнаты с пустыми руками. Но сумка цела, а вот браслет с руки пропал, несмотря на крепкую застежку.

Вопросы она задавала не себе. Эти вопросы могли возникнуть у других, и на них должны быть конкретные, точные ответы. Сейчас очень многое, если не все, зависело от красивой, но правдивой легенды. Девушка не могла допустить ни единой ошибки.

* * *

Катя успела принять душ, привести себя в порядок и одеться. В квартиру позвонили. Без предупреждения к ней никто никогда не приходил, только по предварительной договоренности. Она открыла дверь и увидела незнакомого человека.

– Извините, я вас не знаю.

Мужчина предъявил удостоверение ФСБ.

– Вам звонил Владимир Викторович, но вместо него приехал я. Не знаете вы меня потому, что я работаю в другом управлении. Но сейчас наши интересы схлестнулись. Следствие по происшествию в клубе «Боливар» ведем мы.

– Заходите.

Катя, высокая красивая девушка лет тридцати, состояла на службе в ФСБ, ее основным направлением была Западная Европа. Внутренние вопросы нашего государства не касались ее интересов. За одним лишь исключением. Как она догадалась, об этом исключении и пойдет разговор со следователем другого управления.

В гостиную хозяйка предложила гостю присесть в удобное кресло, сама села напротив. Выпивку предлагать не стала. Она всегда держала дистанцию с сотрудниками своего ведомства и, кроме работы, ни о чем с ними не разговаривала.

– Вы верите в стечение обстоятельств, Екатерина Михайловна?

– Конечно, если они грамотно просчитаны.

– О двух мероприятиях я знал. Но для многих стало неожиданностью появление третьего. Речь идет о Константине Вербине. Вот список заказанных столиков в ресторане «Боливар». Среди гостей согласно списка присутствовал Константин Вербин. Им занималось ваше управление, а вы лично работали с ним напрямую. Поправьте меня, если я не прав.

– Все верно. Представьтесь, пожалуйста.

– Полковник Анохин Вячеслав Степанович.

– Так вот, Вячеслав Степанович, с нашими соотечественниками я дел не имею. Меня привлекли к работе только потому, что я являюсь подругой Евы Вербиной. Мы с ней учились в МГИМО на одном курсе. Я бывала в их доме и нравилась папочке. Он большой поклонник женщин. Я знаю о своих достоинствах и замечаю, как на меня смотрят мужчины. Заваруху затеяла прокуратура, а не наша контора. На мэрию начали катить бочку, но вы же знаете, там есть неприкасаемые. Тогда выбрали Вербина, он оказался под колпаком. Не думаю, что был сделан правильный выбор. Вербин курирует московские земли и недвижимость, он ста-

вит свою подпись на решениях, вроде бы с него и спрос. Все понимают, Вербин не решает глобальных вопросов без согласования с верхушкой, но прокуратура уперлась рогом. Они получили свои установки.

– И Вербин этого не понимал?

– Не стоит его недооценивать. Вербин очень умный человек, он знал, что его не сдадут. У него есть серьезные материалы на коллег, не зря же он всегда ходил с диктофоном. Борьба с коррупцией хороша, когда речь идет об отдельных фигурантах, индивидуумах, но нельзя валить эшелон. Падая, Вербин заденет других, сработает принцип домино. Посыпятся все фишки. В нашем управлении это понимали. Да и вы поймете, если вспомните, в каком доме живете и кто вам предоставил квартиру и за какие гроши. У Вербина не было врагов, были только должники.

– И поэтому дело Вербина в вашем управлении не продвигалось.

– Нет. Мы не занимались его делом. Перед нами стояла другая задача – не дать Вербину уйти за кордон. Такой человек, как он, может раздуть большой скандал – написать книгу, выступить на телевидении и предоставить доказательства. Вот меня и прикрепили к нему. Я с ним сошлась и даже работала его секретаршей в мэрии. Вошла в доверие до такой степени, что мы уже строили общие планы на будущее. Его жена больна, одной ногой в могиле, а дочь нам не помеха, мы как были подругами, так ими и остались. Нашему управлению важно было взять дело из прокуратуры. Получилось. И все же они нам подгадили.

– Каким образом? – спросил полковник.

– Вербина начали травить, не задумываясь о последствиях. И что делать? Ареста Вербина в мэрии боялись не меньше, чем в бизнес-сообществе, милиции, которая подчинена мэру, и еще многие. Всех не перечислить. Вербин не простит предательства, он заговорит. Отпускать его за кордон тоже нельзя. По тем же причинам.

– Как я понимаю, он мог уехать налегке?

– Конечно. Со мной вместе. Все его счета в оффшорах. Денег на правнуков хватит. Я должна была помешать его отъезду любыми средствами, вплоть до уничтожения. Не дать заговорить Вербину можно только одним способом – положить его в гроб и забить крышку. Все друзья превратились в его врагов. Назовите мне того, кто этого не хочет.

– Вы были вчера на месте?

– Была. Но я к бомбам не имею ни малейшего отношения. Дело в том, что столик в ресторане заказывала я. О том, что Костя собирается отметить свое пятидесятилетие в узком кругу своих близких, знали десятки человек. Я говорю об офисе. В приемной сидели человек семь, среди них были работники мэрии. Все ждали Вербина. Он пришел с большим опозданием и обратился ко мне. Мой стол находится в приемной. Не заходя в кабинет, он сказал: «Катюша, найди какой-нибудь экзотический ресторан и закажи столик на пятнадцатое число на шесть персон». Извинился перед ожидающими и ушел, сославшись на срочное совещание. Люди разошлись. Я позвонила начальству со своего мобильного и доложила о его просьбе. Мне сказали: «Выполняйте». Но через два часа я получила письмо по электронной почте, адрес знает только мое руководство. Там я прочла короткое послание: «Заказывайте столик в клубе «Боливар». И больше ни слова. Я восприняла это как приказ и выполнила его. Столик заказала по телефону. Меня предупредили, что при заказе мест по телефону у клиента потребуют паспорт, прежде чем усадить его за столик. У них своя система безопасности. Не трудно догадаться, что там было известно, кто он такой. Теперь легко представить, сколько человек знали о появлении Вербина в клубе. Заказ был сделан за неделю до происшествия.

– А вас он пригласил на юбилей?

– Нет. Сказал, что там соберутся только родные, в том числе родственники жены. Мы договорились отметить юбилей отдельно. Только вдвоем. О том, что управление не давало

мне наводки на «Боливар», я узнала за два дня до события во время отчета в управлении. Возникает вопрос. Кто прислал письмо по электронной почте, адрес которой знает лишь мой непосредственный руководитель? Это мог сделать только кто-то из присутствовавших в приемной, если реакция последовала через два часа. Мне трудно себе представить, что есть люди, которые могут контролировать компьютеры в здании мэрии.

– Ваш компьютер связан с компьютером Вербина?

– Конечно. Но он об этом не знает. Я проверяю переписку. Так я установила некоторые его счета в зарубежных банках, но они закодированы. Если бы он знал, что почта отслеживается, не стал бы в открытую вести диалоги с банкирами.

– Вы назвали руководству имена присутствовавших в приемной?

– Конечно. Трех я видела впервые, но чтобы записаться на прием, они регистрировались и предъявляли документы.

– Какие у вас есть соображения?

– Если наша контора тут ни при чем, то можно рассматривать несколько вариантов. Операцию разрабатывали профессионалы высокого класса. Если речь идет конкретно о Вербине, то мэрия заинтересована в его гибели. Надо помнить, что ГУВД Москвы подчиняется мэрии в большей степени, чем министру внутренних дел. Они способны провернуть похожую операцию. Но не надо забывать, что у владельцев ресторана тоже врагов хватает. К тому же все они ходят по краю пропасти, могли и сами взорвать свой ресторан. Из новостей понятно, что их трупы не нашли и машины исчезли со двора.

– Если бы они хотели инсценировать свою гибель, машины остались бы на месте.

– Согласна. Второй аспект политический. Наблюдая за рестораном, я вела фотосъемку.

Катя достала стопку фотографий и разложила их на журнальном столике перед гостем.

– На первых снимках вы видите приезд двух опальных грузинских политиков, взятых Россией под свое крыло. В Грузии они заочно приговорены за измену родине и коррупцию. Это Давид Кайтнадзе и Резо Курнашвили, бывшие соратники, а ныне главные оппозиционеры грузинского президента. Они погибли при взрыве. Предположительно. Если вы не играете со мной в кошки-мышки и не вывели их из ресторана перед катастрофой. Тогда вы знаете больше меня и ваши вопросы и мои ответы не имеют значения.

Катя показала следующий снимок.

– А вот приехал сам Вербин, на такси. С ним женщина и молодой парень. О них я ничего не знаю. В ресторане собралась хорошая компания. Взрыв решил не одну, а несколько проблем. Но кто конкретно был целью террористов, с уверенностью сказать нельзя. Во всяком случае, сожалеть не о ком. Очень многие высокопоставленные чины вздохнули с облегчением.

Полковник помолчал и задумчиво сказал:

– Меня удивляет Вербин. Человек в его положении, а он знал, в какую ситуацию попал, ведет себя так, будто находится на пике славы, а не на грани ареста.

– Арест невозможен, пока его не лишат статуса депутата, а таких запросов в Думу не поступало. Мэрия сделает все, чтобы избежать ареста, он предупреждал, что молчать не будет.

– Сам себе подписал смертный приговор?

– Нет. Проверенный временем способ шантажа. Если с ним что-то случится, весь собранный им компромат тут же окажется достоянием общественности. Все прекрасно понимают – это не блеф. Лучшей защиты не придумаешь, никаких телохранителей не надо нанимать. Я разрабатывала вариант его ухода за кордон. Он знал о моих связях за границей, но не догадывался, на кого я работаю, считал, что я озабочена защитой прав человека и занимаюсь общественной деятельностью. Он обещал мне золотые горы. С его состоянием это возможно. Мы собирались пожениться.

– Я бы на вашем месте согласился, – усмехнулся полковник.

– Тогда где-нибудь на Гавайях нашли бы два трупа в районе тихого пляжа. Я знаю о наших возможностях за пределами России.

– Вы уверены, что Вербин ничего не боялся?

– Взгляните на эти снимки. Здесь вы видите его дочь Еву. Она приехала в ресторан позже. Уверю вас, он никогда не стал бы рисковать ее жизнью. Другой снимок это подтверждает. Вот девушка, объятая огнем, выбегает из ресторана. Ей чудом повезло, ее спас случайный парень. Парня уводит оператор с телевидения. Вот их джип с табличкой «Телевидение». Но второй факт меня настораживает. Девушку тут же подобрала машина. Черный «Мерседес». Тут не видно, кто в машине, но они знали, кого подобрали. Значит, люди из «Мерседеса» заходили в ресторан и видели, с кем сидит Вербин. Вот что можно назвать загадкой. Пострадавшая в больницах не значится, мы проверяли. Ева исчезла.

– Она могла быть участницей заговора?

– Исключено. Отец для Евы все. И она очень хотела, чтобы я вышла замуж за ее отца. «Он заново родился, – говорила она. – Ты вернула ему молодость. Я так рада за вас!» Если Еву похитили террористы, то она их интересуется только из-за компромата, собранного Вербиным на сильных мира сего.

– Она была осведомлена?

– Вербин не настолько глуп, чтобы документы такой важности доверить дочери. Эту версию даже в мэрии исключили, ведь Ева первая, кого начнут трясти. К тому же она не от мира сего, блаженная, если можно так сказать. У нее даже парня нет, несмотря на ее эффектную внешность. Современных мужчин Ева считает пустышками. Я с ней согласна. Кино, книги, политика – вот ее интересы. Она очень умна и талантлива. Такой девушке трудно найти себе пару. Что касается компромата, уверена, Ева ничего не знала. Наверняка он в надежных руках. Если материалы появятся в Интернете, скандал потрясет не только Россию, но и весь мир. Мы отсталая страна с заскорузлым мышлением и еще не осознаем того факта, что Интернет – мощная машина. Там нет цензуры, автора, выложившего документы, никто не найдет и не вычислит. Информация пройдет по цепочке через сотни стран, на всех языках. А потом опубликуют мемуары. Необходимо сделать так, чтобы смерть Вербина выглядела как чистая случайность – оказался не в том месте и не в тот час. Нужен помпезный некролог и шикарные похороны. Его надо сделать героем, преданным своему делу патриотом. Тогда мемуары воспримут как фальшивку, состряпанную отщепенцами, попытавшимися воспользоваться именем честного человека.

Полковник улыбнулся.

– Спасибо за ценную информацию, Екатерина Михайловна. Если Ева выйдет с вами на связь, дайте знать.

– Не уверена, что ей представится такая возможность.

– Я могу забрать фотографии?

– Конечно. Они есть у меня на флешке.

Полковник простился и ушел. Катя задумалась.

Она не рассчитывала на откровенность гостя. Такие люди не могут быть источниками информации, они задают вопросы и слушают. Но Катя тоже не лыком шита. Несмотря на молодость, у нее накопился большой опыт. Она не сомневалась, что в ее «конторе», как называли ФСБ, многие сотрудники знали о предстоящем взрыве и, возможно, появление высокопоставленных грузинских оппозиционеров в ресторане не было случайным совпадением. Отличный политический ход, если его преподнести под соответствующим соусом. Загадкой оставалась история с Евой, она не вписывалась ни в какие рамки. Зная о возможных провокациях, Константин ни за что не стал бы появляться с дочерью на людях, тем более в местах, подобных «Боливару». Тут что-то не так.

Экскурс в прошлое

Эпизод 2

Уже через год после организации Независимого продюсерского центра на телевизионных каналах стали появляться шокирующие репортажи с мест событий. Если на каком-то коммерческом канале не решались показать сцены кровавых разборок, этот материал тут же попадал на другой, и рейтинг его быстро рос.

Разговоры о насилии на экранах ведутся давно. Депутаты в угоду домашним хозяйкам и бабушкам, заботящимся о воспитании внуков, начали бомбить письмами все инстанции, но дальше разговоров дело не двинулось. Система запретов ушла в прошлое. Даже эротику не смогли убрать с экранов, а тут народу говорили правду о положении дел в стране. Стены кинотеатров пестрели афишами американских боевиков. Потом появились и отечественные. Спрос рождает предложение. Все компании по борьбе с насилием на экранах разбивались, точно волны, о скалистый берег непонимания. Зритель, как и две тысячи лет назад, требовал хлеба и зрелищ. Разница лишь в том, что никто из римских императоров не пытался закрыть Колизей. Можно запретить рекламу водки и сигарет, но запретить рассказывать людям о том, что творится у них под окнами, невозможно. Гласность, свобода слова, свобода информации не имеют отношения к подстрекательству.

Писатель Вадим Борисович Витковский все просчитал верно. Организованная им структура работала без сбоев. Как и предполагалось, писатель получал полную информацию о предполагаемой жертве или жертвах и писал сценарии, точнее сказать, схему убийства и возможные варианты последствий. Художественной частью студии занимался Сергей Коркунов. Ему подчинялась вся творческая группа, дежурившие по городу кинооператоры, готовые быть на точке в любую минуту, главный диспетчер, узел связи, где постоянно прослушивалась милицейская волна, и другие службы, а также команда актеров, которые в нужный момент могли сыграть роли свидетелей и случайных очевидцев. Сергей проявил себя прекрасным организатором, наладил связи со всеми телеканалами. Он точно знал, какой репортаж кому предложить и кто сколько за него заплатит.

Отдел безопасности, как и предполагал генерал Черногоров, возглавил Геннадий Осипов, тоже бывший полковник милиции. В его ведении были слежка, сбор материалов на преступников и их ликвидация. А это значит, что Осипову подчинялись киллеры, наемные убийцы, не знающие, на кого они работают. Как правило, свои задания они получали через Интернет, а необходимое оборудование и оружие находили в ячейках камер хранения или тайниках. Деньги, и очень приличные, им присылали в конвертах, они доставали их из почтовых ящиков или находили в багажниках своих машин. На Осипова работали четырнадцать убийц. На вид это были обычные люди, отпечатки пальцев ни одного из них никогда не значились в дактилотеках МВД и ФСБ. Осипов очень тщательно подошел к подбору ликвидаторов, каждого проверял дотошно и долго. В итоге из полусотни кандидатов тендер на роль исполнителей выиграли четверть.

Надо заметить, что никто из них раньше никогда никого не убивал. Очень ловко Осипов превратил убийство в увлекательную игру, и ликвидаторы свою работу расценивали как хобби. Они превратились в азартных игроков. Так строился сценарий. Киллеру всегда предстояло что-то преодолеть. Только Осипов знал о своих ликвидаторах все и отвечал за их жизнь и безопасность. Он очень внимательно прослеживал их тихую, мирную и благополучную жизнь, знал возможности и способности каждого. Геннадий Иванович считал себя

опытным кукловодом, а исполнителей – своими марионетками. Хотя однажды дал им другую оценку в разговоре с идеологом конторы писателем Витковским.

– В таком тонком деле можно использовать только психопатов.

Вадим Борисович приподнял брови.

– Это же диагноз. На такую работу надо брать здравомыслящих и незаурядных людей.

– Мои люди отличаются здравомыслием и хладнокровием. Когда они включаются в игру, делают ставки, а ставка тут – только жизнь. Либо ты, либо он, середины не бывает. В итоге все сводится к тому, что ты спасаешь свою жизнь. Игра в «русскую рулетку». В барабане один патрон. Приходится изворачиваться, рисковать. Они не знают о том, что я их прикрываю со всех сторон и им ничего не грозит. Они не должны считать себя обычными киллерами или маньяками. Это честлюбивые люди, которым необходимо самоутверждаться. А значит, каждый из них страдает определенными комплексами, от которых не может избавиться.

– По той же схеме действуют маньяки. Представим себе парня, которого презирают женщины. Возможно, в детстве его терроризировали мать и сверстники. Он пытается избавиться от комплекса, нападает на девочек, насилует их и убивает. В чем разница?

– Есть разница, Вадим Борисович. Маньяк – трус. Нападает только на слабых, когда он уверен в победе. Мои люди вступают в схватку с равным или более сильным противником. Их об этом предупреждают. В моем отряде есть женщина. Она справилась с тремя бандитами. Она умнее. Случай уникальный. Шла война умов в течение недели, а на выстрелы ушло меньше минуты. Так называемых убийц до сих пор ищут. Но никому не придет в голову, что опытных криминальных авторитетов уничтожила хрупкая красавица. Кстати, очень богатая благополучная женщина.

На этом тема была закрыта. В тот день Осипов приехал на дачу к идеологу, где Витковский жил постоянно, писал сценарии и разводил цветы. Как правило, писатель имел дело с Сергеем Коркуновым, у которого было немало талантов, в том числе и продюсерский. Они легко понимали друг друга, читали сценарии, вместе делали правки, корректировали события. Осипов не лез в творческие процесс. Он был надежным исполнителем и следовал полученному готовому сценарию. Автор написал, продюсер утвердил, а ты претворяй в жизнь. Вызов Осипова на дачу к автору репортажей означал, что исполнитель сделал что-то не так. Где-то напортачил. Мягкий и вальяжный сценарист мог быть очень категоричным. Его все побаивались, не смели с ним спорить и правильно делали. Его имя нигде не значилось, никогда не афишировалось, но только он мог из пустяковой истории создавать остросюжетный документальный бестселлер.

– Сколько репортажей, стоящих внимания, вышло за прошедший месяц? – тихо спросил Витковский.

Они медленно прохаживались вокруг дачного бассейна, расположенного напротив двухэтажного белокаменного особняка с террасами и соляриями.

– Стоящие – это по вашим сценариям. Их всего два. С подачи наших бывших коллег – четыре. С ходу ничего не делается, а они дают сигнал в последний момент. Была пара наводок от моей агентуры, обе не сработали. Дважды сигналили врачи, три раза пожарные. Но это скука.

– Это то, чего я боялся, – с грустью произнес Витковский. – Я могу писать по пять сценариев в месяц, но сижу без дела. Вы раскидали операторов по всей Москве, а они вынуждены спать в машинах, ожидая вызова на съемку. Министерство нас прикрывает и дает наводки, но их мало. Решение может быть одно – надо срочно расширяться. И заняться этим должен твой отдел. Нам нужны новые заказы на отстрел. Будем принимать заказы на коррупционеров.

Осипов остановился.

– А где взять клиентов?

– Клиенты найдутся. Нужно лишь слух пустить в определенных кругах. Воспользуемся именем Гургена. Этого киллера помнят все, но мало кто знает, что его пристрелили и с камнем на шее сбросили с катера под Сочи. Мы его оживим и вернем в строй. – Витковский похлопал Осипова по плечу. Они продолжили прогулку и свернули в аллею. – Я изложил эту идею генералу, он возражать не стал, просил только отказываться от случайных заказов. Таких, как война за наследство, либо убийство матери, мужа, брата. Гнусное это дело. Заказчика и жертву придется проверять очень тщательно, потребуются серьезные деньги. К Гургену с конвертиком в кармане не пойдешь, к нему надо идти с чемоданчиком.

– Нас вычислят в два счета.

– Кто? Свои? В милиции команду Гургена будут считать мифом. Представь себя заказчиком. С тобой встречается непонятный человек, сажает тебя в машину без окон и привозит за город. Обычная деревня, старый дом. Тебя заводят в комнату. Темно. На тебя направлены софиты. Ты садишься на стул, и голос из темноты начинает допрос. Потом ты оставляешь аванс, если твое дело берут в производство. Но могут и отказать, отвезут в город и высадят в центре. Все.

– А если машину проследят?

– Не мне тебя учить, как избавляться от слежки. Но кому это надо? И потом. Дом в деревне куплен за гроши подставным лицом, там нет никакого Гургена. Есть артист, видеокамера, снимающая заказчика, горят лампы. Все. Заходит ФСБ. И что дальше? Идет репетиция. Кастинг. Отбираем артистов для роли в триллере. Текст они придумывают сами. Для показа. Нам это не важно, мы пытаемся разглядеть артиста. Не думай о пустяках. Важно раскрутить маховик, и дело пойдет.

– Я все понял. Надо попробовать. Составьте бизнес-план, сделаем несколько холостых ходок, чтобы картинка просматривалась от начала до конца. Дело для нас новое, я должен понять все до мелочей, чтобы быть готовым принимать решение в случае нештатной ситуации.

– Я напишу сценарий, он будет взят за основу. Придется учиться на ходу.

Эпизод 3

Слухи о существовании в столице клуба киллеров, принимающих заказы на ликвидацию неудобных лиц, облетели определенные круги в Москве очень быстро. Заинтересовались многие таким любопытным предложением. Конфиденциальность гарантировалась. Все очень просто. Ты должен зайти на определенный сайт и подать заявку. Свое имя афишировать не обязательно, нужно оставить адрес электронной почты. В течение суток получаешь ответ – тебе предлагают встречу для собеседования. Выглядит это так. Ты покупаешь журнал в одном из киосков. Редкий и дорогой глянецовый журнал. Таких нет на витрине, их не дают листать любопытствующим. Он упакован в целлофан. Купил, отошел в сторонку, распечатал и нашел записку на семьдесят пятой странице. Что в ней? Вот текст: «Кафе «Северный олень». Будьте там через час. Сядете за столик у стены справа, на котором стоит вазочка с фиалками. К вам подойдет. Столик заказан».

Два слова о журнале. Толстый глянецовый журнал имел странное название «Меню киллера». Такого в природе не существует. Печатали его в подпольной типографии Белоруссии малым тиражом по готовым диапозитивам, сделанным в Москве по заказу продюсерского центра. В общем, концов не найдешь. Курьер приносил в киоск один экземпляр. Называл цену. Деньги за журнал киоскер оставлял себе. Двести рублей для продавца – деньги неплохие. Фактически журнал играл роль рекламного буклета, там были размещены статьи и фотографии, связанные с заказными убийствами, так и не раскрытые следствием. Создатели

журнала во главе с Вадимом Борисовичем Витковским к этим убийствам не имели никакого отношения, материалы получали из архивов МВД. Заказчик понимал, что связался с очень серьезной организацией и что такие профессионалы за гроши не работают. В конце концов они не больных кошек усыпляют, а убивают солидных и хорошо охраняемых персон. Другая роль журнала была особенно важна. Человек, купивший его в киоске, тут же брался под наблюдение «наружниками» Осипова. С него не спускали глаз, устанавливали личность, определяли его связи. Витковский и Осипов прекрасно понимали, что заказчик не будет светиться, выставляя себя на показ, чтобы не стать объектом для шантажа. Он пошлет посредника, человека, которому может доверять. Осторожность – дело хорошее, но, как ни крути, заказчик не сможет сохранить инкогнито. Человек, купивший журнал, приезжает в указанное место, садится за столик и ждет. Его заставляют ерзать на стуле не меньше часа. После томительных ожиданий к нему подсаживается оперативник из отдела Осипова. Разговор длится недолго, ставится несколько условий, выясняется имя жертвы. Посредник должен знать имя, иначе и говорить не о чем. Ему объясняют:

– Мы проверим вашего протеже, степень его самозащиты, важность персоны, возможные последствия и только потом определим сумму гонорара. Возможно, у нас возникнут дополнительные вопросы, на которые вам придется ответить при передаче денег. Гонорар мы берем сразу, если ваш заказ принимается в производство. В итоге вы получаете от нас последнее послание, где будут только цифры. День, час, месяц. В таком порядке шесть цифр. На это время вы должны обеспечить себя стопроцентным алиби. Можете предложить и свой вариант при передаче денег. Мы его рассмотрим. Вопросы есть?

– Сколько стоят ваши услуги? В среднем.

– От двадцати тысяч долларов и выше.

Оперативник уходит.

Если разговор велся с посредником, на ряд вопросов он не мог ответить самостоятельно. К тому же во время беседы его мобильный телефон был подключен на прослушку, разговор еще и записывался на пленку. Не исключалась возможность наличия у посредника диктофона, ведь он должен был отчитаться перед настоящим нанимателем. Встреча заказчика и его посредника была неизбежна, а значит, устанавливался истинный враг жертвы.

Следующая встреча с оперативником могла и не состояться. Если жертвой оказывался приличный человек, его даже предупреждали об опасности и делали это своеобразным способом. Но об этом чуть позже. За неделю, как правило, удавалось собрать полноценное досье на заказчика и на жертву. Брать дело или нет решал идеолог организации Вадим Борисович Витковский. Некоторые жертвы заслуживали смерти. Их приговаривали. Но банальное убийство не сделает сенсации, поэтому писатель со свойственным ему талантом сочинял захватывающую жутковатую историю, от которой мороз пробегал по коже. По его сценарию делался острый репортаж и попадал на телевидение. Одним выстрелом решалось несколько задач: уничтожались «враги народа», как их именовали руководители продюсерского центра, зрители получали зрелищные сенсации, телевидение – рост рейтинга, а организаторы и исполнители – большие деньги. Система не имела сбоев, делом занимались профессионалы высокого класса.

На одной конкретной истории мы можем до конца проследить схему, придуманную Витковским.

Заказ получили от посредника, как и в девяноста процентах случаев. Неделя кропотливой работы дала следующие результаты. Жертвой был некий Алексей Поперечный, молодой мужчина тридцати лет, работающий в правительстве Подмосковья и занимающийся земельными вопросами. Понятно – это золотая жила. Особняк на берегу Клязьминского водохранилища доказывал его возможности. Господин Поперечный был красив, элегантен, умен и очень богат. Просветили некоторые его банковские счета, и сомнений никаких не осталось

– коррупционер «первой гильдии». Такие звания носили лучшие купцы в дореволюционные времена, вот Витковский и придумал делить коррупционеров по гильдиям. Поперечный нагребил больше трехсот миллионов долларов. Мало того, отбирал дорогую подмосковную землю у стариков, разрушал целые деревни, переселял беспомощных пенсионеров в бараки, выстроенные в болотистых местах. Мотивировка всегда была одна: «Здесь будет проходить трасса федерального значения. Все, стоящее на ее пути, на слом!» Но вместо дороги строились коттеджи для элиты по сумасшедшим расценкам. Следствие Осипова, установив три таких факта, дальше копать не стало. Поперечному был вынесен приговор. Но дотошного писателя особо заинтересовали заказчик и посредник. Начинать надо с посредника. Им оказался некий Георгий Чувиллин. Личность неприметная, чиновник среднего звена из московской мэрии. Профиль работы – кадры. Если верить слухам, устройство на работу в мэрию стоило недешево. Чувиллин имел неплохую дачу и, разумеется, мог знать Поперечного. Но у него не было серьезного мотива для убийства чиновника из Подмосковья, их интересы нигде не пересекались. Сфера деятельности имела общие черты, но на этом все и заканчивалось. Значит, Чувиллин играл роль посредника. Но он не мальчик с улицы, а солидный человек при должности, подставлять себя, изображая заказчика убийства, не соответствует его статусу. Значит, его принудили выполнять эту роль. Кто? Более высокое начальство, или использовали шантаж?

Витковский очень заинтересовался этим делом. Чувиллин после первой встречи в кафе ни с кем на связь не выходил. Возможно, общался с заказчиком напрямую. Таким местом могла быть мэрия, куда с улицы не зайдешь и наблюдения за чиновниками не установишь.

На электронный адрес Чувиллина послали письмо:

«Ваш заказ принят. Цена 55 000 долларов. Есть вопросы. Встреча завтра в четырнадцать часов возле кафе «Аист».

Наблюдения усилили. Чувиллин обязан получить от истинного заказчика деньги, должен быть готов к вопросам и иметь на них ответы. Слежка ничего не дала. Чувиллин прибыл в назначенное место с чемоданчиком в руках и стал ждать. Оперативники Осипова не заметили никаких «хвостов». Возле кафе стояла неприметная «Газель» с цельнометаллическим корпусом без окон. К Чувиллину подошла женщина и попросила огоньку. Он вежливо предложил ей зажигалку. Она прикурила и тихо сказала:

– Садись в салон «Газели». Быстро и без вопросов.

Вернув зажигалку, женщина зашла в кафе.

Чувиллин выполнил приказ, не раздумывая. Когда он сел, машина тут же тронулась с места. В салоне горел свет, работал кондиционер. Водителя скрывала перегородка. Удобное кресло, корзина с выпивкой, фруктами и одним хрустальным бокалом. Перед креслом на перегородке висела небольшая плазменная панель, показывали репортажи криминальной хроники и другие кровавые события. Дорога заняла сорок пять минут, но пассажир не скучал.

Машина остановилась, и дверь открылась. Чувиллин оказался за городом перед скромной избой на берегу пруда. Никого. За спиной лес. К дому вела тропинка. Он вошел на террасу, потом в холл, где увидел три двери. Голос из висящего на стене динамика сказал: «Оставьте портфель и проходите в дверь справа». Гость так и сделал. В комнате было темно, только яркие лампы, похожие на те, что стоят в фотоателье, светили в глаза. Он ничего не видел, кроме стула, стоящего в центре освещенного пространства.

– Присаживайтесь, – приказал голос из темноты. Говорил мужчина с легким кавказским акцентом. Спектакль мог вызывать только смех, но Чувиллин сдерживался. Им бы чужих невест похищать из горных аулов, а они чиновников выкрадывают из центра Москвы.

Георгий Васильевич Чувиллин сел на единственный стул.

– Ваш протеже нами изучен. Мы готовы его уничтожить в течение двух недель. Вы можете сами назначить число, но не время.

– Мне безразлично, – спокойно ответил гость.

– Вам не нужно алиби?

– Нет. Но я хотел, чтобы его смерть выглядела, как несчастный случай. Если такой вариант возможен, то алиби мне ни к чему.

– Ваше пожелание будет исполнено.

На этом разговор закончился, а вечером того же дня пленку с записью смотрели сценарист и главный оперативник Геннадий Осипов. Пока сценарий не написан, Сергей Коркунов к делу не подключался. У главного продюсера хватало работы, но это его не пугало, сейчас его беспокоила любимая жена, которая отдалялась от него. Он больше всего боялся ее ухода. Открывает дверь квартиры, а Тани нет, вешалки пустые.

Просмотрев материал, писатель долго молчал, потом тяжело вздохнул.

– Мы забыли, что у коррупционеров могут быть не только завистники и озлобленные мстители. Они люди, у них есть личная жизнь. Жена, дети, наследники. Давайте займемся личной жизнью Поперечного. Кому он стал поперек горла? – Он усмехнулся. – Забудем о его работе и профессии. Я не верю, что он может быть заказчиком. Такой не повез бы свои деньги без стопроцентной гарантии. Взгляните на его глаза. Ему весело. Он смеется над нами, будто зритель над наивной глупой комедией. Чувилин действует по просьбе человека, которого уважает. Надо установить некоторые детали. Давно ли он работает в мэрии, кто его туда рекомендовал, кому и чем он обязан. А главное, я хочу знать, как и чем живет наш приговоренный. Просто информация о гибели чиновника не интересна. Ну скажут в новостях: «Утонул известный чиновник. Перевернулся на лодке во время рыбалки». И что? Нет. Мы так не работаем, нужен сюжет. Кто может высказаться? Прошу.

Начал Геннадий Осипов.

– Мы многое знаем о личной жизни «врага народа». В ней нет ничего необычного. С его внешностью и положением, не говоря уже о богатстве, живет скромно. Женат, постоянно проживает на своей вилле. Очень много разъезжает по Подмоскovie, по так называемым, объектам, где ведется строительство элитных коттеджей. Фирма-застройщик принадлежит его брату Евгению Севашову.

– Брат? – переспросил писатель. – Почему фамилия другая?

– Конспирация. Севашова – девичья фамилия их матери, которую она не стала менять после свадьбы. Она живет рядом с Поперечным, но в более скромном особняке. После смерти мужа, отца Алексея и Евгения, вновь вышла замуж за отставного адмирала. Сыновья ее навещают. Женщине пятьдесят три года. Работает. Возглавляет редакцию женского глянцевого журнала. Ни брат, ни мать заказать Поперечного не могли. Мы установили, что Поперечный не составлял завещания, а значит, и жену подозревать не в чем, все останется ей. Нам пока неизвестно, на кого оформлена недвижимость. К этим документам подобраться очень трудно. Легче удалось раскодировать его банковские счета. И то не все. В столь короткое время невозможно получить полную выкладку по объекту. Как водится, у Поперечного есть милые грешки – молодая любовница и шлюхи...

– А вот здесь я хотел бы услышать подробности, – перебил его Витковский.

Осипов немного растерялся. Пожав плечами, сказал:

– Подробностей нет. Мы не придавали особого значения людям, которые не могут быть заинтересованы в его смерти. Какая выгода шлюхам убивать своего клиента и платить за это большие деньги? Наружное наблюдение возглавляет Павел Игнатюк. Может, его послушаем?

Скромно сидевший в углу кабинета коренастый мужчина с неприметной внешностью, на которого многозначительно посмотрел Осипов, встал. Собрание проходило на одной из

конспиративных московских квартир и походило на совещание в кабинете милицейского генерала. Ничего удивительного, тут собрались бывшие сотрудники силовых структур. Субординация в подпольной организации соблюдалась строго, каждый вставал, когда к нему обращался начальник. Роль генерала играл идеолог организации и ее создатель Вадим Борисович Витковский.

– За время наблюдения установлено, что Поперечный встречался с девушкой четыре раза.

– Конкретней, пожалуйста, – тут же прервал бывшего майора писатель.

Игнатюк покраснел.

– Это за последние десять дней. Два раза на даче в поселке Лыково. Дача скромная, да и поселок обычный, разбитый на участки по шесть соток. Дважды он встречался с ней на московской квартире по адресу: проспект Вернадского, дом 5, квартира 48. Во всех случаях они провели вместе по три часа плюс минус минуты. Я думаю, у них серьезные отношения. Девушка очень красивая, ей около тридцати. Поперечный относится к ней с большой нежностью, как к невесте. Вряд ли он с ней спит.

– Вы очень наблюдательны, Игнатюк, – улыбнулся Витковский. – Обоснуйте свои выводы.

– Каждый раз Поперечный отвозил девушку домой и тут же отправлялся в известный московский притон «Белая лилия», который находится под прикрытием и опекой ФСБ. Там он выбирал девочку и отправлялся в «номера» удовлетворять свои потребности. От любовницы к шлюхам не ходят.

– Логично, – кивнул Витковский. – Как зовут девушку?

– Мне не ставилась задача выяснить имена личностей, с которыми встречался Поперечный. Я лишь фиксировал факт.

– Вы делали фотографии?

– Нет. Нас интересовал заказчик, и мы прослеживали деловые связи коррупционера. В поле зрения попал банк «Юнисфер», им руководит Савелий Георгиевич Гурьев. За десять дней наблюдений Поперечный заезжал в банк трижды. Всегда при нем находился портфель объемистых размеров. Этот банк имеет свои особенности – у него самый большой в столице отсек индивидуальных сейфов. Более трех тысяч ячеек. Целый город под землей из стальных коридоров с ящиками³.

– Почему вы проявили такое внимание к банку?

– Репутация у него высокая. Одно из достоинств – анонимность. При аренде индивидуального сейфа у клиента не требуют документов. Вы получаете номер и ключ. Аренда стоит очень дорого, поэтому там не держат пустяков. По слухам, весь криминалитет столицы хранит в ячейках «Юнисфера» свои «общаки».

– Я слышал о банке «Юнисфер». Но вы не ответили на мой вопрос.

– Дело в том, что директор банка имеет доступ к индивидуальным сейфам. А если так, то он мог быть заказчиком. Уничтожив Поперечного, можно безнаказанно вычистить его сейф. Банк переживает тот же кризис, что и все.

Витковский рассмеялся.

– Вы, Павел, фантазер. Одна случайная накладка, и криминалитет поднимет банкиров на вилы. Этого мало. Три тысячи ячеек опустеют на следующий день. А теперь представьте себе убытки. Аренда стоит тысячу долларов в месяц. Я занижаю ставку умышленно. Умножьте тысячу долларов на три тысячи ячеек и получите три миллиона чистого дохода в месяц. Какой же банкир будет рисковать своей репутацией?

– А если в сейфе лежат триста миллионов? – не успокаивался упрямый опер.

³ Читайте роман М. Марта «Сквозь тусклое стекло».

– Я знаю, сколько денег можно вместить в одну ячейку.

– Речь не идет о денежных знаках. Их легко превратить в золотые слитки или чеки.

– Мне нравится ваше упорство.

– Дело в том, Вадим Борисович, что я видел банкира в том же борделе у Инессы в то время, когда там находился Алексей Поперечный. Я не знаю деталей, возможно, они там встречаются в одно и то же время не случайно, а с определенной целью.

Витковский молча смотрел в окно. Никто не мешал ему думать, даже тот, кто хотел высказаться, не открывал рта, ждал, когда его спросят.

– Ладно, – сказал наконец идеолог. – Пища для размышлений есть. Вот что, Павел. Займись девушкой. Мне нужна вся ее подноготная и фотографии. Притоном займешься ты, Гена. А я проверю банк через свои каналы. В управлении московской милиции кое-что могут знать.

Осипов встал.

– Я думаю, к делу надо подключить Сергея. Коркунов отлично знает, кто из его операторов, репортеров и других спецов может дать полную информацию о шлюхах, их клиентах и засвеченных чиновниках. Все мы помним, как на экранах телевизоров появился в окружении проституток «человек, похожий на генерального прокурора». Так вот, Сергей знает того, кто снимал этот материал.

– Хорошо. Я сам с ним поговорю, но и ты работай в том же направлении. У нас мало времени. То, что мы здесь выяснили, скорее всего, окажется мыльным пузырем, но я уже вижу, как можно выстраивать сценарий. Сюжет важнее правды. Бомбы из такой истории не получится, но триллер серии на три можно слепить. Я не жду от вас сенсаций, история банальная, как и все, но мы сумеем ее раздуть. Убить обычного коррупционера, заслуживающего казни, – мало, да и деньги для нашего кармана символические. Наше дело – удивлять население. Один великий режиссер пришел на спектакль «Чайка», а теперь, пожалуй, не найдется в России театра, не ставившего великую пьесу гения русской литературы, так вот, первые слова, сказанные режиссером, прозвучали следующим образом: «Ну-с, чем будете удивлять?» Можно ли удивить классикой, которую публика помнит наизусть? Оказывается можно. Новым прочтением. Я против авангарда. Это удел бездарей, которые перевертывают все вверх ногами и с пеной у рта кричат, будто сделали открытие. Они, понимаете ли, гении, так видят материал. Пусть видят, слепцы. Гений – это первооткрыватель. Шекспир заимствовал сюжеты из разных источников, сюжеты пушкинских сказок существовали до него. Все в нашем мире вторично, кроме истины. Наша задача – удивлять. Пока мы будем способны удивлять, сможем существовать. Иначе грош нам цена.

Витковский встал и ушел.

Кому нужна была эта лекция, непонятно. Присутствовавшие на совещании не нуждались в наставлениях. Похоже, он разговаривал сам с собой, как настройщик – музыкальный инструмент, настраивал струны собственной фантазии. Но по сути писатель был прав – все вторично. Общественность получает фантазии автора на тему истины.

Однажды уважаемый генерал сказал Витковскому:

– Я хочу, чтобы ты вытащил правду об этих подонках на свет божий. Пусть люди знают, в какой стае им приходится жить и кто их окружает.

– Правду? – писатель прищурился и сквозь зубы процедил: – Никто не знает, что это такое. Хочешь быть честным? Тогда взгляни в самого себя и ты ужаснешься!

На вторые сутки после взрыва

Взрыв в клубе «Боливар» получил политический резонанс, что вполне естественно. Грузинский президент, используя средства информации западных стран, выдвинул ряд обвинений в адрес России. Российские политики предпочли не комментировать ситуацию, но милиция не могла молчать. Начался новый виток. На экранах вновь появился полковник Кулешов. Как всегда, известный московский сыщик выглядел спокойным и уверенным.

«Следствию удалось установить факт трех взрывов, прогремевших в клубе «Боливар». Источником взрывов послужили так называемые пояса шахидов, напичканные поражающими элементами. Болты, гвозди, гайки и прочие железки, приобретающие при взрыве смертоносную силу. Хозяева клуба давно находились под наблюдением, они были связаны с криминальными группировками и так называемыми авторитетами, находящимися в розыске. Гулять на свободе им оставалось недолго. В их положении лучший способ исчезнуть из поля зрения правоохранительных органов – инсценировать гибель при пожаре. Некоторые из выживших посетителей знали хозяев, а также их друзей из криминальных кругов, и рассказали, что те проходили через зал на кухню, а потом поднимались на второй этаж, на банкет. Свидетели были уверены – все они погибли. Но это не так. Гости приезжали на своих дорогих иномарках, оставляли их во дворе, потом обходили здание и появлялись в клубе с центрального входа. Спектакль не очень удачный. Какой в этом смысл, если можно зайти в клуб со двора и сразу подняться на второй этаж. Им хотелось засветиться. Ко времени взрыва во дворе не осталось ни одной машины. Господа бандиты разъехались, так как никакого банкета не было. Спалить здание им ничего не стоило, «Боливар» находился на стадии закрытия. Он не соответствовал требованиям пожарной безопасности, имел большую задолженность за аренду земли и невыплаченные налоги. Хозяевам и их покровителям выгоднее было исчезнуть. И еще одно немаловажное обстоятельство. В тот злополучный вечер в клубе «Боливар» отдыхали два бывших соратника президента Грузии, где их объявили изменниками родины. Но и вдали от нее они не были в безопасности. Речь идет о Давиде Кайтнадзе и Резо Курнашвили. Давайте подумаем, кто заинтересован в их смерти? Не слишком ли быстро грузинская администрация сделала заявление по поводу пожара. Следствие только началось, еще не разобраны завалы, а власти Грузии в утвердительной форме заявляют о точном времени и количестве взрывов, прогремевших в отдаленном от центра районе Москвы. Я бы с удовольствием задал несколько вопросов некоторым грузинским политикам. Как выяснилось, они знают гораздо больше нас, тех, кто непосредственно занимается расследованием. Напоследок хочу с прискорбием сообщить о гибели при взрывах видного администратора московского правительства Константина Максимовича Вербина, в тот день он отмечал свое пятидесятилетие. Погиб талантливый честный руководитель в самом расцвете сил. Это невосполнимая потеря, как и другие жертвы. Сейчас их насчитывается около трехсот, но это не окончательные данные. Каким же надо обладать цинизмом, чтобы обвинить власти в умышленном варварском уничтожении собственных граждан. Может быть, этим обвинителям такие вещи кажутся нормальными?»

Катя выключила телевизор. Ее подозрения оправдались. В конторе знали о предстоящем событии. Политики там оказались не случайно. И конечно, они не погибли, их вовремя вывели. Теперь на них прекратится охота.

Беспокойство девушки росло. Почему Константин не выходит на связь, почему молчит Ева?

* * *

Принц не белом коне все же появился. Коня в больницу не пустили, но букет цветов принца был шикарным. Парень выглядел немного растерянным, а потому еще более обаятельным. Ева судила людей по глазам и очень редко ошибалась. Помимо чутья девушка обладала экстрасенсорными способностями, иногда умела угадывать мысли, фальшь чувствовала мгновенно.

– Я Данила.

Это все, что он смог сказать, замерев на пороге.

– А я Ева. Проходите, присаживайтесь.

Он с трудом заставил себя подойти к кровати. Стул стоял со стороны окна, он присел и положил цветы на кровать.

– Спасибо. – Ева прижала букет к лицу. – Очень приятный тонкий аромат. Вы сами составляли букет?

– Нет. Взял уже готовый, – соврал Данила без причины. Букет он собирал сам и потратил на это полчаса.

– Вам попался продавец с хорошим вкусом. Просто художник. Красиво.

Она улыбнулась. У нее были удивительные глаза – смесь голубого с зеленым, очень яркие.

– Вам уже лучше?

– Благодаря тебе я осталась живой. Давай на «ты». Я же не принцесса. Почему-то именно таким я тебя и представляла. Ты мне даже снился.

– Мне тоже снятся кошмары после того случая.

– Ну, я бы не назвала тебя кошмаром. – Она помолчала. – Не думала, что когда-нибудь мы встретимся.

– Я и сам не ожидал. Во мне сработал какой-то импульс. Бессознательный. Я и не думал тебя искать, но вдруг что-то где-то кольнуло, я побежал. Куда, как, зачем, не помню, и вот оказался здесь.

Девушка рассмеялась.

– Так просто ничего не случается. Душа рождается на небесах, раскалывается на две половины, они падают на землю в виде звезд. И несмотря ни на какие расстояния, звездочки находят друг друга. Их ведут высшие силы. Иначе как можно объяснить любовь с первого взгляда?

Данила готов был провалиться сквозь землю, будто его поймали, как карманника в трамвае, – он увидел руку девушки. Вокруг запястья краснело пятно.

– Это ожог? – спросил он.

– Да. На руке был браслет. Я его потеряла. Дорогая память.

– Ты его не теряла. Золото раскалилось и жгло тебе кожу, я сорвал браслет, и он провалился в сточный коллектор. Сегодня я поехал туда и нашел его.

Данила вынул из кармана браслет и передал девушке.

– Бог мой! Он уцелел! Ты чудо!

Она радовалась как ребенок, нашедший подарок под елкой.

– Папа мне подарил его, когда я закончила школу. В гарнитур еще входит гребень, но я стесняюсь его носить. Очень яркий. Какое счастье, что папа остался жив.

– Он тоже был в клубе?

– Должен был быть. Он заказал там столик. У них с братом общий день рождения, они близнецы. Мама болеет и приехать не смогла. Дядя Коля приехал с женой и сыном, а папа опаздывал. Мы сидели вчетвером, веселились, ждали его. У меня от смеха текли слезы, и

тушь попала в глаза. Я пошла в туалет, и тут пол дрогнул под ногами, раздался грохот. Только потом я поняла, что это был взрыв. Туалет находился у выхода. Я выскочила и побежала в зал, а там все полыхало. Наш столик находился в дальнем углу, я ничего не увидела за плотной стеной огня. Толпа подхватила меня, как щепку, и понесла назад. Проход к дверям оказался слишком узким, меня едва не раздавили. Пламя разбегалось в стороны, как вода из ведра. Люди загорались, а от них огонь перекидывался на соседей. Я не помню, как меня вынесло на улицу и что происходило дальше, очнулась только в больнице. А потом все увидела по телевизору. Сказали, взорвалась бомба. В том конце зала, где стоял наш столик. Вот почему те, кто сидел ближе к выходу, спаслись. Если бы бомба взорвалась у входа, никто бы выйти не смог. И я в том числе.

– Значит, твой дядя погиб?

– Да. Дядя, брат и тетка, все погибли.

– Соболезную.

– Спасибо. Но я еще не осознала происшедшего в полной мере. Я не верю, что их больше нет, не понимаю, а потому никакой скорби не ощущаю. Папа мне рассказывал кошмарную историю про своего отца. В их роду у всех рождаются близнецы. У моего деда тоже был брат-близнец. Они потерялись во время войны. В самом начале. А в 43-м дед попал в окружение. Оставшаяся кучка выживших переделась в немецкую форму, сняв ее с убитых, и попыталась перейти линию фронта. Никто немецкого языка не знал, на этом они и попались. Их задержали в лесу. Семь человек. Шестерых утром расстреляли, а деда отпустили, выдав ему документы и форму советского офицера. «Продолжай выполнять полученное задание, Степан», – сказал ему немец по-русски. Дед добрался до своих, пошел в особый отдел и все рассказал. Потом выяснилось, что брат деда, Степан, служил у немцев в «Абвере», был диверсантом. Злейший враг родины. А дед пришел с войны полным кавалером ордена Славы. В 47-м его все равно арестовали. Степана не нашли, решили, что дед и есть Степан, убивший родного брата и занявший его место. Его реабилитировали в 53-м. Из лагерей он вернулся больным человеком. Однажды сходство с братом спасло деду жизнь, но потом погубило. Какие разные люди. Мой папа обожал своего брата. Они были настоящими друзьями. Я не знаю, как он переживет его гибель. Глупая, бездарная смерть.

– Умных смертей не бывает.

У девушки на глазах появились слезы.

В палату вошли медсестра и врач.

– Извините за беспокойство, молодежь, но пора делать осмотр и перевязку.

Ева смахнула слезы и посмотрела на Данилу.

– Ты еще придешь ко мне?

– Конечно. Завтра же приду. А ты не возражаешь?

– Я буду тебя ждать.

Она сказала это искренне.

Экскурс в прошлое

Эпизод 4

Веня Скуратов считался самым лучшим светским репортером и единственным, кто имел допуск на корпоративные вечеринки любого уровня. Его знали все бизнесмены и артисты, уважали за талант и прекрасные статьи в модных глянцевах журналах, где он представлял своих героев в лучшем свете, делая им рекламу. Веня мог прославить неприметную личность, а мог знаменитость втоптать в грязь. К последнему приему он прибегал очень редко. В тех случаях, когда хотел всем показать, на что способен, если кто-то без должного уважения относился к его персоне. Талант проявлялся в полной мере. Началась карьера Скуратова с подглядывания. Он мог часами просиживать в уличном помойном баке в ожидании очередной звезды, оставив в крышке щель для объектива. Однажды, поджидая очередной звездный объект, он увидел жену крупного бизнесмена. Она затащила во двор шофера своего мужа и задрала юбку. Он прижал ее к стене и снял штаны. Профессиональная техника, мощный объектив, сверхчувствительная пленка позволили Скуратову сделать блестящие фотографии, достойные обложки лучших порнографических журналов. Веня долго думал, кому предложить снимки, и все удивлялся, почему они выбрали для утех двор, а не воспользовались задним сиденьем машины. Он решил продолжить наблюдение. Оказалось, дамочка обожает экзотику, предпочитая удобствам подоконники подъездов, стройплощадки и прочие непригодные места. Веня нуждался в деньгах, так как любил работать с хорошей техникой, стоящей недешево. Муж красотки, человек невероятно богатый, мог заплатить за снимки хорошую цену, но мог и морду набить, так как был личностью непредсказуемой. Скуратов пошел ва-банк – показал фотографии героине сюжета. Страстная красотка тут же представила, что с ней станет, если муженек увидит сочные картинки, и выложила за негативы полмиллиона долларов, все свои сбережения, украденные у мужа за несколько лет. Тогда-то Веня понял, чем он должен заниматься.

Второй случай, что называется, вывел его в люди. Звезду, которую он караулил, убили поздним вечером у подъезда ее дома. Снимки получились феноменальные, он мог их дорого продать любому изданию. Но его за это уже пугали, обещали посадить за шантаж. Вместо денег он получил отпор и фингал под глазом, не считая разбитого фотоаппарата. Поразмыслив, Веня обратился к одному из самых влиятельных руководителей московской милиции полковнику Кулешову. Убийцу быстро нашли. Им оказался обиженный фанат звезды, отвергнутый и оскорбленный. Скуратов получил даже грамоту от МВД и предложение сотрудничать. Кулешов взял репортера под свое крыло, обещал закрывать глаза на его противозаконные методы работы за необходимую милиции информацию. В свете быстро сообщили, что жаловаться властям на Скуратова бесполезно, а так как быть богатым, популярным и безгрешным невозможно, с ним выгоднее дружить, чем враждовать.

Через год Веня стал невероятно богат. У него имелась своя студия, лучшая аппаратура, доступ на любые мероприятия, не говоря уже о десятке арендованных квартир и точек, с которых он вел съемку. Главным его багажом были сотни досье, собранные на самых влиятельных и популярных персон. Веня научился быть незаметным и неуловимым. Никто не знал его адресов и даже мест, где он ночевал, если вообще спал. Ночная охота – его конек. У него появилось много недоброжелателей. Каждый улыбающийся ему «друг» готов был его придушить, но не мог – знал, что Веня находится под покровительством Петровки.

Именно крестный папа полковник Кулешов прислал к нему важного человека, тоже полковника, Сергея Коркунова. Просьба о содействии прозвучала как приказ. Веня однажды

уже видел Коркунова и даже давал ему показания о милиционерах, пользующихся спецсауной с девочками. Скуратов обладал феноменальной памятью и понимал, что ему предстоит встреча с крупной фигурой, способной сажать за решетку своих же. Ему и в голову не приходило, что полковник Коркунов давно сам превратился в журналиста и делает репортажи с места кровавых событий.

Встреча состоялась на официальной квартире Скуратова или, говоря языком конспираторов, засвеченной.

Молодой для звания полковника Коркунов был человеком мягким и обаятельным, к тому же очень интересным мужчиной. В штатском костюме от «Армани» – истинный джентльмен. Скуратову недавно исполнилось тридцать три, выглядел он неказисто, хотя держал себя с достоинством принца.

– Удивлен нашей встрече, Сергей Михалыч. Мне сказали, что вас интересуют материалы по притону Инессы. Я собрал, что было под рукой, но если вас интересует что-то конкретно, у меня есть архивы.

Они прошли в гостиную. Дверь второй комнаты оставалась раскрытой настежь, и Сергей не заметил в ней кровати, а значит, Скуратов здесь не живет, если только не спит на раскладушке. И половина книг в шкафах – бутафория. Их ставили как попало, многие перевернуты вверх ногами. Пыль говорила о том, что хозяин появляется в квартире нечасто. Впрочем, личность репортера Коркунова не интересовала, сработала обычная профессиональная наблюдательность. На столике стояло множество бутылок, похоже, напитки в них были настоящие.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросил хозяин, уловив взгляд гостя.

– Боюсь, что кофе у вас нет. Холодильник пуст, но в нем наверняка есть лед. Я выпью виски. Доза на два пальца и четыре кубика льда.

– Восхищен. Вот что значит профессионал.

Контакт был установлен. Скуратов и себе налил виски. Они расположились в креслах возле журнального столика, на котором лежала толстая папка с тесемочками. Пыли на ней не было, а дерматин сохранил свойственный ему запах. Это означало, что Скуратов взял новую папку и складывал в нее материалы выборочно, те, которые можно показать и не жалко отдать, если попросят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.